

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ В МУЗЕЯХ РОССИИ

Вологодский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Вологодская областная картинная галерея

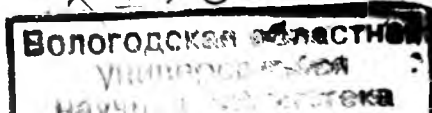
ИКОНЫ ВОЛОГДЫ XIV—XVI ВЕКОВ

Москва

Северный паломник

2007

К М 1386039

История собирания, реставрации и изучения коллекции древнерусской живописи Вологодского музея-заповедника

Коллекция древнерусской живописи — одна из лучших и основополагающих в собирании Вологодского музея-заповедника. На примере входящих в ее состав икон можно проследить историю местного иконописания и связей вологодского искусства с ведущими культурными центрами разного времени — Москвой и Новгородом, Костромой и Ярославлем. Собранная многими поколениями энтузиастов, она насчитывает около четырех тысяч памятников, бытовавших в Вологде и окрестных монастырях, которыми был столь богат северный край. Здесь, в глуши лесов, на пространстве более чем в 500 верст от Лавры до Белоозера, деяниями подвижников взростала и расцветала «Северная Фиваида», где взору входившего в храм путешественника открывался чарующий мир, часто поражавший не богатством, но гармонией древнего убранства и свидетельствовавший о многовековых духовных традициях.

Сохранившиеся путевые заметки авторов XIX столетия наполнены искренними впечатлениями от созерцания творений вологодских иконописцев и зодчих. Так, посетивший Вологду в июле 1847 года Степан Петрович Шевырёв — филолог, искусствовед, литературный критик и преподаватель Московского университета — писал о городской Цареконстантиновской церкви: «Взошед в нее и рассмотрев ее иконы, я понял, каким образом могла она воспитать в человеке образованном чувство любви и благоговения к древней нашей святыне. Сюда не проник дух поновления. Бедность храма и причета оградила неприкосновенностью ее заветные иконы. Серебро и золото не закрыли их святолепных ликов. Здесь все веет духом нетронутой древности»¹. Из культурной среды вологодского края вышло немало любителей древностей, многие из которых стали увлеченными исследователями и внесли

значительный вклад не только в вологодское краеведение, но и в изучение русской культуры в целом.

Документы, связанные с историей вологодских храмов, по-видимому, стали предметом изучения в XVII веке, при попытках создания «вологодских летописцев», а первый труд по истории Вологды появился в печати в конце XVIII века. Основоположником вологодской историографии можно считать местного историка А.А. Засецкого² — автора книги «Историческое и топографическое известие по древности о России и частно о граде Вологде и его уезде», изданной в 1780 году в Москве в типографии Н.И. Новикова. Этот труд был адресован любителям древности и охватывал события вплоть до 1780 года. А.А. Засецкий собрал сведения о России и Вологде из летописей, исторических исследований российских и зарубежных авторов, сохранившихся древних актов и документов, а также из агиографической литературы. Автор в хроникально-летописной форме представляет читателю историю края, описывает его географическое и экономическое положение, административное деление, быт и занятия жителей «разного звания», уделяя при этом большое внимание их вере и, что особенно существенно — каменному и деревянному зодчеству Вологды и окрестных монастырей. Значительными недочетами этого труда являются недостаточная полнота исторических сведений и отсутствие описания вводимых в научный оборот уникальных источников, текст которых передается в авторском пересказе.

Помимо известных русских летописей, А.А. Засецкий ссылается на летопись, созданную в начале XVIII века вологжанином Иваном Слободским — певчим кафедрального собора и переписчиком книг, служившим в 1690-х годах при вологодском архиепископе Гаврииле. В 1702 году он был назначен

подьячим и, очевидно, с того времени имел доступ к важным документам архиерейского дома, при работе с которыми и возник его интерес к истории края³, послуживший толчком к написанию «Вологодского летописца». Данный труд посвящен событиям местной истории с 1341 по 1676 год и содержит фрагменты архаичного текста, базирующиеся на более ранних летописных записях⁴.

В конце XVIII века было опубликовано значительное исследование по истории края академика П.Б. Иноходцева, включавшее в себя общее описание Вологодского наместничества и историко-топографическое описание Вологды.

В начале XIX века изучение вологодской старины входит в круг интересов митрополита Евгения (Болховитинова)⁵ — ученого иерарха, оставившего после себя научные труды в области археологии, русской истории и церковных древностей. В период пребывания на вологодской епископской кафедре (1808–1813) он написал ряд объемных трудов по истории епархии, ставших результатом огромной работы по изучению вологодских архивов. Это: «Историческое сведение о Вологодской епархии и о пермских, вологодских и устюжских архиереях», «О древностях вологодских и зырянских»⁶, «Краткое сведение об угодниках Божьих, в пределах Вологодской епархии почивающих, прославленных церковью и местно чтимых»⁷ и «Описание монастырей Вологодской епархии, ныне находящихся и прежде бывших (числом 88)»⁸. Н.И. Суворов в статье, посвященной столетию со дня рождения митрополита Евгения⁹, приводит воспоминания одного из старожилов о том, «что из всех концов епархии в то время доставляемы были в вологодский архиерейский дом архивные материалы целыми возами». Кроме того, автор отмечает необыкновенную работоспособность преосвященного Евгения, который за первый год пребывания в Вологде сделал описание восьмидесяти двух монастырей епархии¹⁰.

Важным событием для губернского города стало появление в 1838 году первого периодического издания — газеты «Вологодские губернские ведомости». В ее неофициальной части печатались древние акты и документы, а также небольшие статьи по истории и этнографии края. В том числе

здесь издавались работы основоположника вологодского краеведения — Павла Ивановича Савvaitова (1815–1895), археографа и историка¹¹, воспитанника Петербургской духовной академии, в 1837–1842 годах преподававшего в Вологодской семинарии философию и историю. Событием, предопределившим его дальнейшую судьбу, стало знакомство в 1841 году с вологодским епископом Иннокентием (Борисовым) — ученым иерархом, приехавшим в Вологду, уже будучи членом Российской академии наук. Он был известен широкому кругу читателей своими сочинениями не только по богословским, но и по светским наукам. П.И. Савvaitов не раз говорил в кругу близких знакомых: «Кабы не Иннокентий, не быть бы мне в ученых»¹².

Владыка Иннокентий занимал вологодскую кафедру совсем недолго — с марта по декабрь 1841 года. За этот короткий срок он сумел сплотить вокруг себя исследователей из числа преподавателей духовной семинарии и тем самым заложить прочный фундамент для расцвета историко-церковного краеведения во второй половине XIX века. Преподавательский состав был сподвигнут к исследовательской деятельности и в связи с изменением учебных программ — открытию в семинариях с 1838 года кафедр истории Российской церкви, которые испытывали явные затруднения при преподавании из-за недостатка фактического материала, отражающего местную специфику. По инициативе епископа Иннокентия началась работа по составлению исторических описаний вологодских монастырей и церквей. Пять описаний, составленных П.И. Савvaitовым, были впоследствии опубликованы¹³. По-видимому, этот исследователь был фигурой слишком крупной для провинциального города, и его научный потенциал раскрылся в полной мере уже в Петербурге, где он, как и в Вологде, сочетал научную работу с преподаванием в семинарии. Посетивший Вологду в августе 1841 года историк, издатель и публицист М.П. Погодин, описывая быт Павла Ивановича, замечает: «Кто бы подумал, что за этим огарком, в захолюстье бедного губернского города, в полуразвалившейся избенке читается и размышляется Августин и Кант»¹⁴. Материалы по истории края, собранные П.И. Савvaitовым, послужили базой для исследований

его преемников, в том числе Н.И. Суворова¹⁵, также преподававшего в Вологодской духовной семинарии во второй половине XIX века.

Деятельность историков-краеведов на местах разворачивалась при поддержке столичных организаций и обществ, а затем и Синода, издавшего указ о составлении историко-статистических описаний епархий. Основные положения указа нашли отражение в «Начертании правил для составления церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии», подготовленном в начале 1851 года Н.И. Суворовым¹⁶. Для организации этой деятельности при Вологодской духовной консистории была учреждена сеть комитетов — епархиальный комитет, уездные комитеты и комитеты благочиннических округов, которые осуществляли сбор первичных сведений.

Появление изысканий научно-статистического и церковно-исторического характера свидетельствовало о важном сдвиге в общественном сознании русской провинции и о формировании основ научной культуры в современном их понимании¹⁷. В результате исследовательской работы множества историков-любителей на местах был собран материал, часть которого после переработки и дополнения была опубликована во второй половине XIX — начале XX века в местных периодических изданиях, отдельных брошюрах и историко-краеведческих сборниках.

Ярким свидетельством подъема церковно-исторического краеведения в Вологде стали многочисленные статьи в Вологодских епархиальных ведомостях, основанных в 1864 году. Благодаря плодотворной деятельности редактора Н.И. Суворова неофициальная часть издания представляла собой, по сути, краеведческий журнал. Помещенные здесь статьи и вышедшие отдельными брошюрами описания монастырей и приходских храмов нередко сопровождались документами, проливающими свет на историю описываемых обителей, списками настоятелей и архимандритов, описями имущества с выделением особо чтимых святынь. Таковы, например, описания вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря П.И. Савваитова¹⁸, Софийского собора Н.И. Суворова¹⁹, Успенского женского монастыря в Вологде и приписной Николаевской Озерской пустыни А. Лебедева²⁰ и многие другие.

А.А. Засецкий

Портрет XVIII в.

До середины XIX века описания икон и произведений прикладного искусства были составной частью публикаций по истории вологодских храмов. На рубеже 1850–1860-х годов появляются многочисленные тематические статьи Н.И. Суворова, которые публикуются в Известиях императорского Археологического общества и Вологодских губернских и епархиальных ведомостях: «Иконостас и амвон, бывшие в вологодском Софийском соборе в 1663 г.»²¹; «Артосная панagia, хранящаяся в ризнице Свято-Духова мужского монастыря г. Вологды»²²; «Несколько новых сведений о большом или праздничном колоколе вологодского Софийского собора»²³; «Об иконе Смоленской Богоматери (Одигитрии), находящейся в вологодском Софийском соборе»²⁴; «Водосвятная чаша вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря»²⁵; «Крест, найденный в окрестностях Устьсысольска»²⁶ и другие.

Деятельность Н.И. Суворова составляет одну из самых значительных глав в истории изучения древностей Вологодского края и их популяризации. Историк дает характеристику содержания привлекаемых источников и указывает на время их создания. В начале 1870-х годов им был составлен «Вологодский

Евгений (Болховитинов),
митрополит Киевский и Галицкий.

Портрет 1820-х гг. ГИМ

летописец»²⁷ — свод известных летописей, из которых исследователь выделил материал, имеющий непосредственное отношение к истории Вологодской губернии, и сопроводил его подстрочными примечаниями. В это же время был опубликован «Путеводитель по Вологде»²⁸, появление которого свидетельствует о росте числа интересующихся стариной среди приезжих и местного населения и о стремлении просвещенного духовенства популяризировать вологодские древности. В этом издании, рассчитанном на достаточно широкий круг читателей, Н.И. Суворов уделяет большое внимание древнерусской живописи: описания городских храмов включают сведения об особо чтимых и древних иконах, отдельная статья посвящена чудотворной иконе Богоматери «Всех скорбящих радость» в церкви тюремного замка.

Большое значение для дальнейшего изучения вологодской старины имела публикация в 1889 году документов и рукописей Московского главного архива Министерства иностранных дел и его библиотеки в «Сборнике материалов для исторического и церковно-

археологического описания Вологодской губернии», подготовленном И.Ф. Токмаковым²⁹.

Значительное место среди вологодских краеведов занимает И.К. Степановский³⁰. Его интерес к местным древностям, памятникам материальной культуры и устного народного творчества нашел воплощение в ряде статей конца XIX века, кратком историческом очерке Вологодской губернии 1887 года и историко-археологическом сборнике «Вологодская старина»³¹. Этот сборник, вышедший в 1890 году, включает исторические очерки о городах Вологодской губернии, описания памятников древности, систематизированные по географическому принципу, а также архивный и библиографический указатели. Он представляет собой справочное издание с широким охватом материала, характеризующего различные сферы жизни и в том числе связанного с историей вологодской иконописи. Описывая достопримечательности вологодских храмов, автор указывает размеры находящихся в них предметов, приводит достоверные (подтвержденные историческими источниками) и легендарные сведения о событиях и людях, связанных со святынями, и определяет место расположения последних в храме. Кроме того, он включает краткие сведения об иконографии произведений, что часто позволяет уточнить происхождение памятников в коллекции музея и восстановить историю их почитания. Как многие авторы XIX века, И.К. Степановский уделяет большое внимание истории христианизации зырян и миссионерской деятельности святого Стефана Пермского. Эта тема вновь и вновь поднимается в самых разных изданиях, особенно в преддверии 500-летия со дня преставления святителя в 1396 году.

Почти одновременно с книгой И.К. Степановского, в 1889 году, в Петербурге был издан труд А.Е. Мерцалова³² «Вологодская старина»³³, включивший в себя его исследования, опубликованные ранее отдельными статьями в «Русской старине». Древние акты и документы, помещенные в издании, сопровождаются комментариями автора, особенно интересовавшегося Смутным временем, историей монастырей и городов Вологодской губернии. Собранная А.Е. Мерцаловым коллекция свитков-столбцов различного содержания позже была передана в открывшийся епархиальный музей и стала предметом изучения многих исследователей.

В целом памятники иконописи в этот период редко исследовались монографически, но их описанию уделялось большое внимание при характеристике каждого храма и монастыря. Одним из важнейших итогов развития церковно-исторического и светского краеведения стала организация в Вологде в конце XIX века первых музеев с коллекциями памятников истории и культуры, архивами и библиотеками.

В основе нынешнего собрания Вологодского музея-заповедника лежат коллекции четырех дореволюционных музеев города: Дома-музея Петра I, Епархиального древлехранилища, Художественного музея Северного кружка любителей изящных искусств и Музея родниоведения Вологодского общества изучения Северного края (далее — ВОИСК). На базе их собраний 13 марта 1923 года был создан Вологодский государственный объединенный музей, подведомственный Губернскому отделу народного образования.

По-видимому, не все из перечисленных музеев имели в своих коллекциях иконы, во всяком случае, три из них не ставили своей целью собирание произведений древнерусских художников. В поисках первых памятников иконописи, ставших музейными экспонатами в Вологде, обратимся к собранию старейшего музея губернии — домика Петра Великого. Точкой отсчета в истории Петровского домика как музея, вероятно, следует считать 1872 год. Тогда на волне общественного подъема, связанного с широко отмечавшимся в России 200-летием со дня рождения Петра I, здание, в стенах которого голландским купцам Гоутманам довелось принимать великого государя, было выкуплено дворянством, городом и земством за 4000 рублей из частного владения купца Витушешникова и стало «всесловным достоянием вологжан»³⁴.

Общественность не сразу определилась с назначением приобретенного дома: в 1870-х годах обсуждались планы его передачи под благотворительные заведения, но в 1875 году было принято решение об устройстве в нем музея и часовни с образом Нерукотворного Спаса, подобно Петровскому домику в Петербурге³⁵. Это свидетельствовало о положительном переломе в общественном сознании и растущем интересе к предметам и событиям прошлого.

П.И. Савваитов

Открытие музея состоялось 5 июня 1885 года и было приурочено к посещению Вологды великим князем Владимиром Александровичем. Этому событию предшествовало освящение в церкви Феодора Стратилата и установка в подготовленный киот иконы Спаса Нерукотворного. На образ был возложен царский подарок — серебряная позолоченная риза, украшавшая до 1872 года икону в домике Петра в Петербурге.

О собрании Дома-музея Петра I, находившегося в ведении губернской земской управы, мы можем судить по подробному описанию его экспозиции, опубликованному в 1887 году в книге «Домик Петра Великого в Вологде». В нем значится единственная икона — образ Спаса Нерукотворного, ошибочно названный автором каталога «Обыденным». Он был написан в XIX веке как копия иконы, принадлежавшей, по легенде, Петру I. Судьба этого известного в Вологде образа, к сожалению, неясна. К настоящему времени произведение, повторяющее иконографию знаменитой петербургской святыни или связанное с домиком Петра сведениями учетной документации, не выявлено, хотя большинство экспонатов первого вологодского музея

Н.И. Суворов. 1882 г.

ныне находится в собрании Вологодского государственного музея-заповедника.

подавляющая часть собранных в коллекции домика Петра предметов, по-видимому, была выставлена для всеобщего обозрения. Сведениями о запасниках музея мы не располагаем, хотя автор брошюры о нем отмечает, что комплектование велось не только в узких тематических рамках: «собираются... все старинные вещи, но впоследствии из них будет оставлено только то, что относится к эпохе Петра, а остальные предметы послужат основанием для Вологодского губернского музея». Часть собрания, не связанная с основной темой, вероятно, была передана в Музей родоведения ВОИСК, которому к моменту объединения вологодских музеев подчинялся Петровский домик³⁶.

В целом, по оценке историка-археографа С.А. Непейна, помощника заведующего Вологодским епархиальным древлехранилищем, «особенно любопытных древностей» в Петровском домике было мало. По его словам, большинство экспонатов «относится к эпохе Великого Петра; есть оловянные стопы, серебряные и хрустальные чарки и бокалы художественной работы с гравированными изображениями, табакерки, старинное

оружие в виде пищали, секир, копий и пр., древние монеты, медали и жетоны, русские и иностранные, несколько церковных древностей, рукописи, старопечатные книги»³⁷.

Наиболее значительными для Вологодского объединенного музея были поступления древнерусской живописи из Музея иконописи и церковной старины, унаследовавшего коллекцию Епархиального древлехранилища. Основание последнего относится к тому знаменательному в истории музейного дела России периоду, когда наряду с крупнейшими хранилищами церковно-государственного значения, такими как Синодальная ризница и библиотека, стали складываться церковно-археологические коллекции в епархиях. Учрежденное в 1896 году при Православном братстве Всемилошного Спаса Вологодское епархиальное древлехранилище ставило своей целью миссионерскую деятельность и сохранение историко-художественных ценностей, а также предотвращение расхищения церковных древностей в связи с лихорадкой собирательства, охватившей страну в конце XIX — начале XX века. Крайнее беспокойство просвещенного духовенства, связанное с вывозом коллекционерами культурных ценностей из епархии, выражает письмо смотрителя духовных училищ в Великом Устюге и Тотьме А.А. Соколова от 19 февраля 1888 года. Он пишет будущему основателю Вологодского епархиального древлехранилища Н.И. Суворову: «В нашей епархии, без сомнения, найдется очень много археологического материала, который, по существу, имеет местный характер, но которым между тем свободно пользуются гг. туристы-археологи, потому что древности в опись не попадают и священники свободно их отдают каждому»³⁸. Н.И. Суворов в свою очередь обратил внимание епископа Вологодского и Тотемского Израиля на то, что «иные из священников сбывают разным туристам, странствующим под видом археологов или командированных каким-нибудь ученым обществом иногда очень ценные в археолого-историческом отношении вещи или даже целые архивы старых документов XVI и XVII столетий»³⁹. Видный историк и археограф, опубликовавший более трехсот работ историко-краеведческого характера, не мог недооценивать значение архивов и других источников, которые могли попасть в частные

коллекции и стать недоступными для исследователей.

Идея создания Древлехранилища была поддержана главой епархии, и решение о его учреждении было принято. В задачи епархиального музея входили сохранение памятников древности «от повреждения и утраты», открытие коллекций для обозрения, изучения и описания, что определило и принципы комплектования фонда. В собрание должны были поступать древние церковные предметы⁴⁰, вышедшие из употребления и представляющие научный интерес, а также светские предметы, имеющие важное значение для изучения истории и быта края.

С 1890 года началась работа по сбору материала для Древлехранилища. В «Вологодских епархиальных ведомостях» была опубликована подготовленная Н.И. Суворовым «Записка по поводу предложенного открытия в Вологде Епархиального Церковного Древлехранилища»⁴¹, которая и стала пособием для духовенства при отборе экспонатов для будущего музея. В ней перечислены виды предметов, которые могут представлять интерес, и признаки их древности, а также отмечено желание иметь рисунки и фотографии «замечательных в археологическом отношении предметов, которые не могут быть доставлены в Древлехранилище». Основными критериями при отборе икон были выдвинуты древность письма и «оригинальность изображений». Н.И. Суворов приводит в своей статье примеры таких произведений в коллекции Ростовского музея церковных древностей, опыт которого, судя по многочисленным ссылкам, изучался организаторами.

После того, как в Совет братства от благочинных городов Вологды, Тотьмы, Никольска, Устюга, Сольвычегодска, а также Великоустюжского, Яренского и Усть-Сысольского уездов поступили сведения о предметах, имеющих научную ценность и историческое значение, в Святейший Синод было направлено соответствующее представление. В ответ на это 18 октября 1893 года последовал синодальный указ за № 4902 о разрешении устроить Древлехранилище и о передаче туда ста тридцати предметов церковных древностей в соответствии с представленным сводным списком.

Период становления музея, связанный в первую очередь с поиском и подготовкой

И.К. Степановский (?). 1890 г.

помещения, затянулся. Только спустя три года, в преддверии празднования 500-летия святителя Стефана Пермского, в здании упраздненной Крестовоздвиженской надвратной церкви Архиерейского двора была развернута экспозиция епархиального музея. К моменту его открытия в сентябре 1896 года в инвентарном каталоге значилось 153 номера хранения, а к 1903 году он содержал 1117 номеров, под которыми были записаны не только отдельные предметы, но и целые коллекции. Позднее темпы комплектования значительно замедлились, поскольку по определению Святейшего Синода, вышедшему в 1903 году, был введен строгий запрет на отчуждение церковных древностей без разрешения этого органа.

Осложнение процедуры передачи предметов в епархиальный музей привело к тому, что за последующее десятилетие в инвентарный каталог Древлехранилища было занесено лишь около полутора сотен номеров, общее количество предметов в 1913 году достигло 1264 единиц. Среди прочих древностей в каталоге указано немногим более тридцати икон, поступивших из Спасо-Прилуцкого монастыря, храмов Вологды, Никольского, Великоустюжского и Сольвычегодского уездов.

По-видимому, приходы не спешили передавать в епархиальный музей иконы древнего письма, хотя еще в «Записке» 1890 года Н.И. Суворов отмечал случаи хранения при храмах икон, вышедших из обихода: «В кладовых палатках церквей г. Вологды, Благовещенской и Богородице-Рождественской — кладбищенской хранится несколько больших икон пророков и праотцев, составлявших часть бывшего в XVII веке иконостаса Вологодского кафедрального Софийского собора и весьма замечательных в иконографическом отношении». С.А. Непейн, оценивая коллекцию Древлехранилища в 1903 году, с сожалением отмечает, что она «очень бедна»⁴².

Среди находившихся в собрании Древлехранилища предметов были и пожертвованные частными лицами. К сожалению, не все записи в инвентарном каталоге музея содержат информацию об источниках поступления и размерах икон, что значительно осложняет задачу выявления всех памятников этой коллекции в нынешнем собрании. Среди поступивших из Древлехранилища произведений — иконы «Отче наш», походный складень «София Премудрость Божия» (№ 30), «Плоды Крестного древа» (№ 882) и большая икона местночтимого в Сольвычегодском уезде иерея Петра Черевковского 1718 года, в медной отбеленной ризе (№ 165). О некоторых памятниках в описании Древлехранилища содержатся более подробные сведения: «В северном проходе на стене интересна икона священикомученика Христофора с головой животного, Сретенской градской церкви (№ 365) ... На стене между северным проходом и окном весьма замечателен древний, обитый кожей складень (№ 30) конца XVI века, градской Владыченской церкви, с изображением на текст: «рече Господь Господеви моему сяди одесную мене» ... в середине, на створках — изображения дванадцатых праздников и наверху в теремке — «Софии Премудрости Слова Божия».

Ценность этой небольшой коллекции не только в том, что она включала подписные и датированные иконы, но и в величине территории сбора памятников. В нее входили произведения из слабо представленных в нынешней коллекции Вологодского музея-заповедника северо-восточных районов области, а также из не входящей в ее состав при

современном административном делении Вымской Благовещенской церкви. Памятники древнерусского искусства из собрания Древлехранилища стали важным элементом будущей коллекции, являющейся ныне гордостью Вологодского государственного музея-заповедника.

Работой Древлехранилища со времени открытия музея руководила Постоянная церковно-археологическая комиссия, возглавляемая продолжившим дело отца И.Н. Суворовым⁴³ — преподавателем истории духовной семинарии и редактором «Вологодских епархиальных ведомостей». Члены комиссии ставили своей задачей изучение и классификацию собранных предметов старины. С этой целью в 1897–1905 годах они нередко приглашали для работы опытных специалистов, известных трудами по истории края. Систематический каталог собрания комиссия предполагала печатать отдельными выпусками; первый из них, подготовленный С.А. Непейным в 1897 году, посвящался антиминосам. В последующие годы были опубликованы выпуск с каталогом крестов и несколько выпусков с описаниями свитков.

Входившие в состав комиссии знатоки и любители древности ценили искусство иконописи и положили начало изучению творчества местных изографов, ограничившись, правда, сбором исторических справок, легенд и преданий. С.А. Непейн в своей статье «Древнехранилище в Вологде»⁴⁴ называет первым опытом обследования памятников местной иконографии статью В.К. Лебедева 1900 года, посвященную иконам письма преподобного Дионисия Глушицкого⁴⁵.

Отмечая богатство Вологды древними храмами и иконами, С.А. Непейн приводит имена Ивана Григорьева Маркова, Михаила Леонтьева Амосова и других известных вологодских иконописцев, творчество которых привлекало исследователей, собиравших сведения о подписных памятниках местной иконописи. Члены комиссии и привлеченные ими лица составляли описания «замечательных по древности храмов епархии», собирали поверья и предания, ярко характеризующие быт предков, исследовали топонимику, диалекты и фольклор.

С начала XX века появляются издания, чья текстовая часть получила важнейшее

Экспозиция Вологодского епархиального древлехранилища. 1898 г.

дополнение в виде фотографий храмов и их интерьеров. В это время велась фотосъемка древностей и для научных целей: по просьбе члена Археографической комиссии известного историка Н.П. Лихачёва С.А. Непеиным — увлеченным фотографом-любителем — была выполнена съемка ценных памятников палеографии из коллекции Древлехранилища⁴⁶. В собрании Вологодского музея-заповедника хранится более сорока его фотографий и негативов, многие из которых вошли в различные издания и широко известны. Разумеется, это не единственный фотограф, запечатлевший памятники архитектуры и их убранство. В коллекции музея имеются снимки других фотографов конца XIX — первой четверти XX века: Л.В. Раевского, Л.Ф. Корчагина и К.А. Баранеева, В.Ф. Гончарука и И.И. Громова. Сохранились и отдельные кадры фотосъемки московского иконописца и реставратора М.О. Чирикова. Благодаря их усилиям до нашего времени дошли бесценные свидетельства об утраченных или перестроенных в советское время памятниках архитектуры, их интерьерах и настенной живописи.

Церковно-археологическая комиссия выступала инициатором реставрации памятников, в связи с чем в Вологду был приглашен М.О. Чириков. По императорскому указу 1889 года исключительное право на раскопки и реставрацию в России получили Археологическая комиссия и Академия художеств. С того времени все работы по реставрации памятников архитектуры и древнерусской живописи выполнялись по предварительному соглашению с этими организациями и под их руководством. Так, из надписи, сделанной в 1904 году на иконе «Архангел Михаил» 1687 года (ВГМЗ, инв. № 5165), следует, что реставрация древнего пятиярусного иконостаса вологодской церкви Иоанна Богослова велась под наблюдением члена императорского Археологического общества И.С. Остроухова. Тем не менее применявшиеся методы реставрации не были безоговорочно приняты и одобрены всеми. В частности, по поводу реставрации М.О. Чириковым икон и монументальной живописи вологодских храмов в 1914 году в местной газете «Эхо» развернулась полемика между автором статьи «Вандализмы»⁴⁷, подписавшимся

И.Н. Суворов. Конец XIX в.

«И. Е.» (вероятно — Иван Евдокимов), и его оппонентом — Н.И. Суворовым⁴⁸. Конкретным предметом спора стали методика и технология реставрации храмовой иконы XVI века из Владимирской церкви Вологды и росписи церкви Иоанна Предтечи в Роценье⁴⁹.

Оба автора были знакомы с концепцией церковно-археологической реставрации, сформулированной еще в XIX веке, когда ученый мир увидел, что церковное поновление икон и стенописей — это постоянно совершаемые акты варварства по отношению к древней живописи. «Вместо восстановления они уничтожают драгоценное древнее письмо и пишут все изображение вновь», — возмущенно писал в 1850 году И.П. Сахаров⁵⁰. Им же было определено и основное содержание церковно-археологической реставрации, ставшей первым шагом к реставрации научной: укрепление, удаление старой олифы и уничтожение поздних дописей, восстановление живописи в пределах утрат. Эпоха «возобновления» живописи подвергалась критике многими учеными.

Возникшая благодаря развитию исторической науки концепция реставрации, предусматривающая прекращение поновлений

сохранных частей произведения и восстановление его в стиле автора только в пределах утраты, утвердилась и окрепла. Между тем на рубеже XIX—XX веков наряду с раскрытием живописи от поздних наслоений не были редкостью факты переписывания икон и стенописей; недостающие детали изображений дописывались «с окончательной разделкой». Учитывая, что заказчиком работ была церковь, признававшая необходимость раскрытия древней живописи икон, но требовавшая воссоздания ее в первоначальном виде, подход к реставрации часто был схож с коммерческим, а реставрационное вмешательство — почти неограниченным. И.Н. Суворов в споре горячо отстаивал принципы реставрации М.О. Чирикова и был абсолютно убежден в том, что «самый добросовестный реставратор в России» «не позволит себе подмалевать древних икон». Оппонент Суворова, критиковавший работу М.О. Чирикова, ратовал за недопустимость вторжения реставраторов в авторскую живопись: «Лучше вершок подлинной старины, чем целая икона или стена подкрашенная». «Мне прекрасно известно, что Чириков опытный реставратор, — пишет «И. Е., — я знаю, Владимирская икона была старательно вычищена, снята была со старинного письма позднейшая запись, вообще приняты все меры; но Чириков в конце концов не удержался и подмалевал икону...»⁵¹.

Выработка новой концепции научной реставрации была актуальной темой и обсуждалась в обществе; во главу угла ставилась историко-художественная ценность памятника как документа своей эпохи. В общих чертах эта концепция была сформулирована в 1915 году П.П. Покрышкиным. Первым музеем, где в соответствии с ней еще в предреволюционные годы велась планомерная работа, был Русский музей в Петербурге, а после 1917 года принципы научной реставрации стали внедряться во всех музеях России.

В 1918–1920 годах в стране создается государственная система управления музейным делом и охраной памятников. В 1918 году был принят декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», определивший одно из важнейших направлений деятельности музеев.

В декабре 1918 года Епархиальное древлехранилище было реорганизовано в Музей иконописи и церковной старины, руководство которым перешло из рук общественности к государственным органам. Центральное управление делами музеев сосредоточилось в Наркомпросе, а на местах — в губернских отделах народного образования. При частом изменении структуры аппарата ГубОНО в 1918–1920-е годы руководство музеями осуществляли: Управление архивным, музейным и библиотечным делом; Комиссия по вопросам искусства и старины; Подотдел по делам музеев и охраны памятников старины, а с 1921 года — Управление по музейным делам (именуемое в документах «Губмузей»).

Музей иконописи и церковной старины унаследовал не все собрание Древлехранилища: предметы народного быта и естественноисторические коллекции были переданы в музей ВОИСК, а более тысячи книг — в Публичную библиотеку. В результате в собрании Музея иконописи в 1919 году было только 685 предметов церковного назначения, в том числе 85 икон XVI–XVII веков.

Учитывая малочисленность штата музеев 1920-х годов, следует отметить определяющую роль заведующих во всех направлениях деятельности. Первые несколько месяцев музей возглавлял художник-график Николай Павлович Дмитриевский; а с декабря 1918 до начала 1923 года — Василий Иванович Лузан, также художник по образованию, с марта 1920 года совмещавший руководство музеем с работой в государственных органах. Количество служащих, включая технический персонал, колебалось от трех до пяти человек.

Основную экспозиционную и собирательскую работу вели сам В.И. Лузан и его помощник-хранитель В.С. Перов, также художник. Подбор сотрудников исключительно с художественным образованием не мог не сказаться на качестве работы и приоритетах: взгляд на иконы как предмет церковной археологии и истории сменился отношением к ним как произведениям художественной культуры. Однако при этом, по-видимому, несколько снизился интерес к истории бытования памятников. Составленная В.С. Перовым в 1919 году временная опись (хранится в фондах ВГМЗ), к сожалению, не содержит сведений о происхождении поступивших в коллекцию предметов. Сузилась тематика

исследований, усилия музея были сосредоточены в основном на пополнении собрания. Комплектование коллекции Музея иконописи приобретает планомерность и качественно отличается от этого вида деятельности в предшествующий период, когда в поле зрения исследователей в основном попадали памятники, отмеченные какими-либо историческими документами или преданиями⁵². Цель музейного показа определяется стремлением дать полное представление о постепенном развитии иконописи.

Параллельно с комплектованием велась большая работа по обследованию церквей и монастырей для выявления и регистрации художественных ценностей. А.П. Анишина отмечает, что при этом «изъятие предметов из церквей для музейной коллекции не было актом грубого попрания прав церкви. Оно касалось только тех предметов в ризницах, кладовых и других подсобных помещениях, которые не использовались в церковном обиходе, и икон, находящихся вне иконостаса»⁵³. Это подтверждают и официальные документы — мандаты на право обследования и вывоза памятников церковной старины. Исключение составляли лишь те случаи, когда условия хранения памятника создавали угрозу его физической сохранности. В таких ситуациях, в соответствии с «Инструкцией сотрудникам подотдела провинциальной охраны по делам музеев и охраны памятников искусства и старины», осуществлялись изъятия с обязательным составлением актов⁵⁴.

В 1919 году В.И. Лузан обследовал церкви Вологды, Каргополя, Вологодского и Грязовецкого уездов. В 1920 году регистрация, описание и вывоз памятников старины проводились на станциях Харовская, Пундога, в Кадниковском, Тотемском и Грязовецком уездах. Только в Кадниковском уезде В.И. Лузаном в сентябре — ноябре 1920 года было обследовано около тридцати церквей. Среди вывезенных оттуда в начале 1920-х годов двадцати пяти предметов — десять икон деисусного чина рубежа XV–XVI веков (*кат.* № 16–21, 23–24, 26–27) и «Благоразумный разбойник» второй половины XVII века (инв. № 6102) из Покровского Глушицкого монастыря, «Чудо Георгия о змие, с житием» (*кат.* № 120) и «Преображение» конца XVI века из Воскресенской Лещевской церкви (*кат.* № 122). В 1921 году

И.В. Федьпин. 1920-е гг. (?)

Ф.М. Вахрушов, внештатный сотрудник музея, был направлен с той же целью в Тотемский и Вельский уезды.

Работа по регистрации и сбору произведений древнерусской живописи не везде велась одинаково успешно. Так, объясняя причины поступления небольшого количества памятников из Каргополя, В.И. Лузан в отчете о работе музея за 1919 год отмечает: «Каргополь присоединен весной к Вологодской губернии. В епархиальной области... [город] остался за Олонецкой епархией, ввиду чего приходские церковные советы и церковный причет... не разрешают вывоз предметов церковного обихода в другую губернию. В некоторых же приходах соглашаются отдать что-либо только в обмен на новые предметы того же назначения. К тому же и местный отдел Просвещения не оказывал должного содействия»⁵⁵. Помимо пополнения собрания в результате изъятия икон из храмов, документально подтверждена закупка произведений иконописи, хотя доля приобретенных предметов невелика: из поступивших в 1919 году двадцати трех икон были куплены лишь две на общую сумму 275 рублей⁵⁶.

Серьезное беспокойство у В.И. Лузана вызывало состояние сохранности собранных памятников. Без укрепления левкаса и красочного слоя, удаления загрязнений и раскрытия авторской живописи от поздних записей невозможно было и создание экспозиции древнерусской живописи, о которой мечтали сотрудники. В музее началась работа по реставрации икон, которая, судя по количеству заказываемых для ее обеспечения материалов, носила достаточно масштабный характер. С июня по ноябрь 1920 года одна за другой следовали заявки музея на отпуск мыла, ваты, спирта денатурата и ректификата, очищенного мела, кистей, красок и лака для реставрации живописи⁵⁷. К этим работам с конца мая по август 1920 года был привлечен Ф.М. Макаров⁵⁸, высланный в Вологду из Петрограда и упоминаемый в документах музея то как научный сотрудник, то как реставратор «памятников церковной старины». Сам В.И. Лузан планировал в 1921 году поездку в Московские реставрационные мастерские для овладения методикой реставрации темперной живописи. Было ли суждено сбыться этим планам — неизвестно, но в музее в 1921 году прошли реставрацию двадцать икон. О ее качестве и методах судить трудно, поскольку в коллекции пока еще не удалось выявить конкретные памятники, подвергшиеся реставрации в то время. Единственной иконой, о первоначальной расчистке которой В.И. Лузаном свидетельствуют документы, является «Спас в силах» из Покровского Глушицкого монастыря (*кат. № 16*). Реставрация иконы была закончена в ЦГРМ, но отсутствие документации не позволяет дать какую-либо оценку выполненным в 1920-х годах работам.

Третьим и весьма значительным музеем Вологды был Музей родинovedения Вологодского общества изучения Северного края. Еще до возникновения этой организации, в 1903–1904 годах, в Вологде существовало Отделение Ярославского естественно-исторического общества. Несмотря на то, что его деятельность протекала довольно вяло, а к 1905 году совсем заглохла, членам Отделения удалось собрать несколько десятков естественно-исторических коллекций; отдельные предметы из их состава экспонировались в здании Губернского земства⁵⁹.

Всеобщий интерес местной интеллигенции к изучению Севера в 1900-х годах

способствовал открытию в Вологде самостоятельного научного Общества. Среди его учредителей были краеведы и общественные деятели. Созданное с целью изучения Севера Европейской России, «преимущественно в отношении историческом, географическом, научном, бытовом, культурном и экономическом», Вологодское общество изучения Северного края было открыто 12 апреля 1909 года и существовало на добровольные пожертвования. На одном из первых заседаний правления были организованы несколько рабочих комиссий, в том числе — музейно-библиотечная, предметом особых стараний которой с 1910 года становится устройство в Вологде музея и краеведческой библиотеки. Особенно много сделал для музея И.М. Шемигонов⁶⁰, избранный в 1910 году председателем правления Общества. В это время было найдено помещение — флигель усадьбы Дворянского дома — и положено начало комплектованию собрания.

В числе первых поступлений были собранные И.М. Шемигоновым и принадлежавшие Управлению государственных имуществ ценные коллекции ископаемых, минералов, природных материалов и кустарных промыслов; незначительную долю составили поступления от Вологодского отделения Ярославского естественно-исторического общества. В марте 1911 года музей был открыт для публики, но на первых порах крайне плохо посещался местными жителями; основными его посетителями были приезжие. В 1911 году музей посетило 422 человека, в 1912 — 793, в 1913 — 1415 человек⁶¹, что, безусловно, свидетельствует о росте его популярности. В 1912–1913 годах музей значительно пополнился материалами геологической экспедиции В.Г. Хименкова, а также благодаря пожертвованиям Губернского земства и частных лиц. В основном это были естественно-научные коллекции и изделия кустарных промыслов.

Первыми свидетельствами интереса ВОИСК к древнерусскому искусству можно считать сообщение И.В. Евдокимова⁶² о художественной старине Севера, сделанное в 1914 году, и поступление в собрание старинного креста, обложенного иконами⁶³. Постепенно эта общественная организация приобретает все больший вес и влияние в различных сферах деятельности, стремится к объединению исследователей Севера и открывает

Е.Н. Соколова (Федьшина). Конец 1920-х гг. (?)

в 1915 году районные отделения в Тотьме и Великом Устюге. Период предреволюционной активности в 1917 году сменился спадом краеведческой работы, но музей продолжал функционировать. Более того, в ведение ВОИСК был передан домик Петра Великого с пятью сотнями экспонатов.

По словам современника, «в следующем 1919 году жизнь Общества чуть теплится лишь около музея родиноведения, но средств у Общества не хватало даже на оплату труда заведующего музеем и сторожа»⁶⁴. При этом музей оставался центром деятельности ВОИСК, собрание продолжало пополняться, а число посетителей росло. К 1919 году стала ощущаться острая потребность в расширении экспозиционной площади. Большинство предметов поступило в собрание музея ВОИСК в составе цельных тематических коллекций и, по-видимому, в дальнейшем не проходило инвентаризацию. Во всяком случае, сводного каталога собрания не сохранилось; в «Книге для записывания пожертвований в Музей Вологодского Общества Изучения Русского Северного Края», сохранившейся в фондах Вологодского музея-заповедника, подробно расписаны лишь дарения

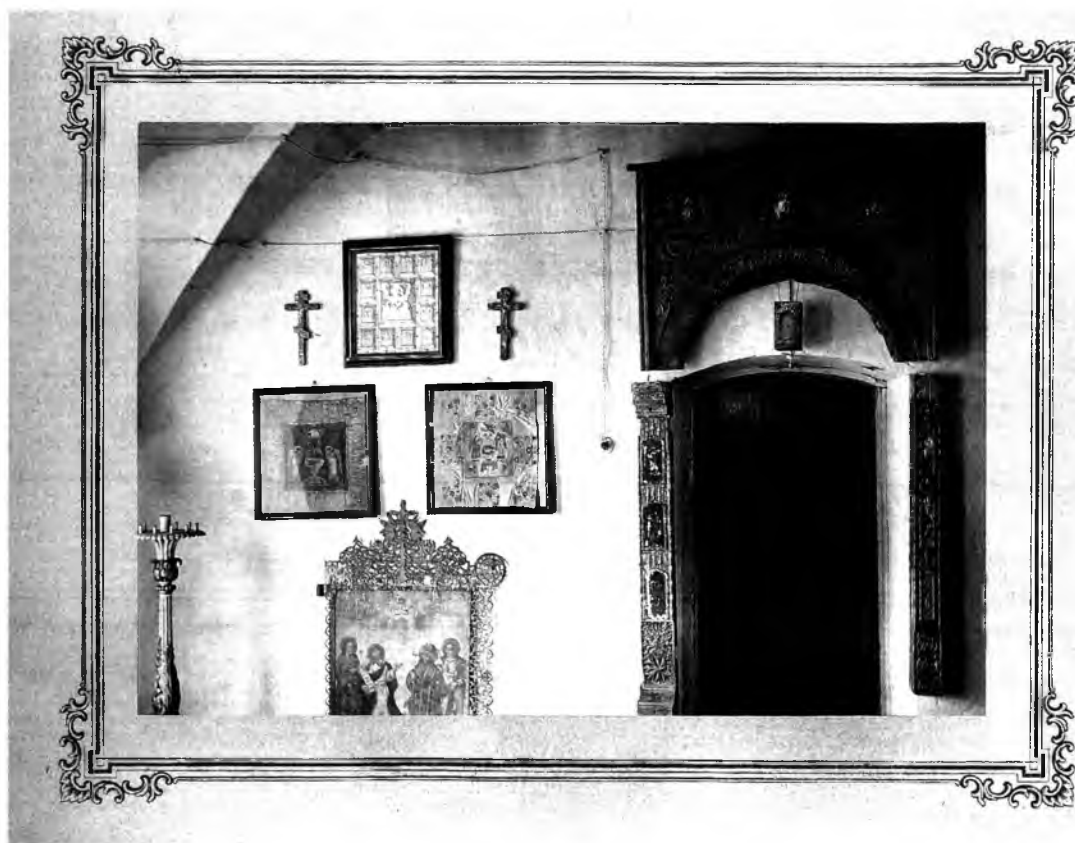
Выставка церковной старины в Экономском корпусе. 1920—1926 гг.

музею в 1911—1923 годах. Произведений иконописи среди них немного — это двенадцать памятников, поступивших в 1915—1923 годах. О них почти ничего не известно — записи о дарениях⁶⁵ не дают информации о размерах предметов, происхождении, а порой и о сюжетах. Поскольку музей не ставил своей целью комплектование художественных коллекций, поступления икон носили случайный характер.

Со второй половины 1921 года начинается новый период в деятельности ВОИСК. Члены Общества все чаще привлекаются к исследованиям, активно сотрудничают с кооперативными учреждениями. Но при всякой возможности правление Общества продолжает свою работу по изучению истории и культуры края: «в августе археолог-этнограф Н.С. Шайжин был командирован в Грязовецкий уезд, где он посетил Арсениево-Комельский монастырь и окружающие его селения, описал монастырь в современном его состоянии, осмотрел древние вещи, книги в храме и ризнице, имеющие историческое и художественное значение...»⁶⁶.

В целом этот период можно охарактеризовать как переход от культурно-просветительской деятельности к практическим исследованиям по заказу государственных организаций, что стало одной из причин вызревания в недрах ВОИСК инициативы объединения вологодских музеев в один государственный музей.

Свою коллекцию живописи имел и Северный кружок любителей изящных искусств, организованный в Вологде в 1906 году по инициативе местной художницы А.Н. Каринской и инженера-технолога А.Н. Белозерова. Их идею поддержали художники А.А. Борисов и Н.А. Киселёв, среди учредителей кружка был также статский советник С.В. Рухлов⁶⁷. Из уставных документов следует, что изначально организаторы ставили своей целью основание в городе центра художественного просвещения для широких народных масс. Его члены читали лекции по искусству, собирали художественные произведения, устраивали художественные выставки и активно занимались издательской

Выставка церковной старины в Экономском корпусе. 1920—1926 гг.

деятельностью, которая не ограничивалась выпуском выставочных каталогов. В период подъема своей деятельности кружок объединял до девяноста членов. В числе приглашенных лекторов был Г.К. Лукомский⁶⁸ — архитектор, художник, историк искусства и автор первого искусствоведческого исследования памятников Вологды. Его книга «Вологда в ее старине»⁶⁹ была опубликована в 1914 году по инициативе кружка, на его средства и в тесном сотрудничестве с его членами. Это издание оценивается специалистами как образцовое для начала XX века по полноте и глубине материала, характеризующего церковное и гражданское зодчество, а также отдельные памятники истории и культуры. В 1916 году стал выходить журнал «Временник», в котором печатались статьи по искусству и хроника художественных событий.

К этому времени относится и активная творческая деятельность И.В. Евдокимова — выдающегося знатока культуры Русского Севера. Его работы в области истории русского

искусства, связанные с исследованиями вологодской церковной живописи и архитектуры, публиковались в «Известиях ВОИСК», различных журналах и отдельными изданиями. Это исторический очерк о Вологде в книге Г.К. Лукомского «Вологда в ее старине», а также статьи и книги: «Древне-русская иконопись»⁷⁰; «Вологодский иконник Григорий Агеев»⁷¹; «Север в истории русского искусства» (Вологда, 1921)⁷²; «Два памятника зодчества в Вологде» (Вологда, 1922); «Вологодские стенные росписи» (Вологда, 1922).

С начала 1910-х годов начинается комплектование собраний будущего музея, основу которых составили пожертвования коллекционеров и художников, а также приобретения с выставок. В 1915 году по решению правления кружка состоялось открытие музея. Он просуществовал до 1920 года, когда кружок прекратил свою деятельность, а собранные коллекции были переданы государству для нового художественного музея, открытого в Иосифовском корпусе Архиерейского дома, а затем волились в художественный отдел

Выставка по истории религий. 1926—1927 гг.

образовавшегося в 1923 году государственно-объединенного музея. Икон в этом собрании, по-видимому, не было, несмотря на интерес членов кружка к памятникам архитектуры и церковным древностям.

Идея объединения вологодских музеев давно витала в умах некоторых любителей вологодской старины. Еще в брошюре 1887 года «Домик Петра Великого в Вологде и описание музея при нем» было высказано сожаление, что «отсутствие инициативы, единодушия и сплоченности в местных деятелях до сих пор препятствовало осуществлению этой мысли». По-видимому, немало сторонников имела и идея строгого соблюдения существовавшими музеями профиля в комплектовании фондов и экспонировании коллекций. На повестке дня даже стоял вопрос о передаче имеющихся в собраниях «случайных» экспонатов другим музеям. В силу подчиненности музеев разным ведомствам это начинание так и не было осуществлено в полной мере, хотя в 1919 году состоялась передача двадцати двух этнографических предметов из Музея иконописи и церковной старины в Музей родинovedения ВОИСК⁷³.

Но ответный шаг, то есть передача «предметов церковного характера», так и не последовал, несмотря на обращения ГубОНО⁷⁴.

Нехватка помещений для хранения и экспонирования разросшихся коллекций, а также финансовые трудности 1922 года, повлекшие за собой сокращение и без того малочисленных штатов в музеях, заставляли искать выход из создавшегося положения. ВОИСК выступило с проектом организации объединенного музея, разработанным специальной комиссией, куда входили А.А. Колычев, Н.А. Перфильев и Е.А. Пискова. Предложенные условия не удовлетворили Губмузей, и объединение было отложено. О серьезных размышлениях по поводу организации музейного дела на новом историческом этапе можно судить и по тематике докладов, прочитанных в ВОИСК с февраля по октябрь 1923 года. В их числе — сообщение Н.С. Серовой о московских музеях и церковном имуществе, сделанное после посещения ею музея Остроухова, храма Василия Блаженного, Новодевичьего монастыря, Румянцевского музея, Третьяковской галереи и некоторых других музеев столицы.

Выставка Северного кружка любителей изящных искусств. 1910-е гг. Крайний слева — И.В. Федьшин

Создавшаяся кризисная ситуация заставляла искать пути решения этой проблемы и государственные органы. Новый план объединения музейных кадров и коллекций был выдвинут заведующим Губмузеем В.И. Лузаном. Для разработки приемлемого для всех проекта была создана специальная комиссия в составе представителей ГубОНО и ВОИСК⁷⁵. В результате ее работы было достигнуто соглашение, подписанное 24 марта 1923 года, по которому Обществу принадлежало право выдвигать свою кандидатуру на должность директора для утверждения ГубОНО, а научная и хозяйственная деятельность контролировалась коллегией из директора, заведующих отделами и выборных представителей научных организаций. Было также принято решение об отведении для музея всех зданий Вологодского кремля (Архиерейского дома), но его воплощение затянулось на многие годы.

Объединенный музей⁷⁶, в структуре которого при художественно-историческом отделе существовал подраздел древнерусского искусства⁷⁷, продолжил начатую Музеем иконописи и церковной старины работу по

обследованию храмов для обнаружения памятников истории и культуры и их постановки на государственный учет. Полномочиями для выполнения этой задачи наделялись члены Губернской научно-художественной экспертной комиссии⁷⁸. В ее состав в конце 1923 года вошел заведующий художественным отделом И.В. Федьшин⁷⁹, возглавивший работу по выявлению, сохранению и сбору памятников древнерусской живописи и прикладного искусства. С этой целью в 1923 году были обследованы Григориево-Пельшемский, Дионисиево-Глушицкий и Арсениево-Комельский монастыри, а в 1924–1930 годах — несколько сотен церквей, множество часовен и десять монастырей Вологды, Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов, а также Каргополя с южной частью уезда⁸⁰. Комиссия составляла списки памятников истории и культуры, но окончательное суждение по поводу их отнесения к категории «имеющих художественно-историческое или археологическое значение» находилось в компетенции Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. Последней принадлежало

Сотрудники музея. Январь 1928 г.

также право изъятия памятников из действующих храмов и учреждений⁸¹.

Позднее, когда лучшие иконы из многих храмов города и окрестностей оказались в музейном собрании, председатель живописной секции Реставрационного отдела Главнауки Наркомпроса профессор А.И. Анисимов оценил эту коллекцию как «кладезь произведений древнерусской живописи» и отвел ей одно из первых мест в республике⁸².

К сожалению, далеко не все памятники, имеющие художественно-историческое значение, попадали в музейные коллекции. Механизм передачи произведений музею в случае закрытия храма был определен и не вызывал особых трудностей и проволочек (за исключением изделий из драгоценных металлов). Гораздо сложнее обстояло дело с памятниками, зарегистрированными в действующих церквях: как правило, они оставались на своих местах и поступали в музейную коллекцию лишь в исключительных случаях. Это были уникальные произведения, нуждавшиеся в срочной противоаварийной реставрации⁸³

либо в особой охране. Первым из перечисленных обстоятельств было вызвано, в частности, поступление в музей в 1928 году иконы «Троица Зырянская»⁸⁴ XIV века (кат. № 3) из Воскресенского собора, который оставался действующим до 1938 года.

Обычно между внесением памятников в список специалистами губернской комиссии и постановкой на государственный учет проходил значительный промежуток времени, в течение которого музей был обязан контролировать их сохранность, что являлось большой проблемой в действующей церкви. Случаи исчезновения древностей⁸⁵ не были редкостью: священнослужители и члены церковных общин, опасаясь изъятия, забирали старинные предметы из храмов. По-видимому, для одних они являлись священными, а для других имели большую материальную ценность как предметы антиквариата.

Более решительно, чем губернский музей, в плане изъятия и вывоза художественных ценностей действовали экспедиции столичных специалистов. В 1928 году поводом

Сотрудники музея и Архивного бюро. Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

для горячего протеста со стороны Вологодского государственного областного музея стали действия П.Д. Барановского. Он вывез из Грязовецкого музея и уезда ряд предметов без ведома и согласия учреждения, «фактически исполняющего функции по охране художественно-исторических памятников на территории губернии»⁸⁶. Сам П.Д. Барановский в переписке с И.В. Федышиным по этому поводу замечает следующее: «Что касается Вашего сожаления о вывозе резных столбов из Обнорского монастыря в центр, то с точки зрения местных интересов я Вас вполне понимаю, но с точки зрения самого памятника Вы, безусловно, ошибаетесь...»⁸⁷.

Сбор памятников в музей нередко наталкивался на непонимание со стороны уездных властей, а порой и музейного руководства. Так, например, предметы, привезенные И.В. Федышиным зимой 1925 года из Семигородней пустыни, в том числе ковчег с живописью В.А. Боровиковского⁸⁸, директор музея Ф.П. Куропатников⁸⁹ назвал «дровами». По этому поводу Федышин писал Е.Н. Соколовой⁹⁰:

«Когда этот ковчег был привезен мною в музей... за 80 с лишним верст с другими вещами, и возчику нужно было уплатить восемь рублей за доставку, то Куропатников категорически заявил, что «за дрова» он восьми рублей платить не станет...»⁹¹. Однако все тяготы экспедиционной жизни с лихвой окупались радостью и душевным подъемом, который испытывал И.В. Федышин, когда музейную коллекцию удавалось пополнить древними памятниками. В апреле 1927 года он писал жене из экспедиции в Каргополь: «Быть может завтра же удастся получить одну «жемчужину», около которой А.И. Брягин, пожалуй, начал бы плясать. Эту ночь, вероятно, не крепко буду спать»⁹².

Несмотря на приведенные факты, сотрудники музея под руководством И.В. Федышина в период массового закрытия монастырей и церквей в 1920-е годы собрали более десяти тысяч памятников истории и культуры. Вологодский музей стал обладателем богатейшей коллекции древнерусского искусства, которая вполне могла соперничать с лучшими собраниями

Сотрудники музея. Начало 1930-х гг.

Москвы и Ленинграда. В следующие десятилетия задачами огромной важности становятся ее сохранение, реставрация и систематизация. В те годы широко практиковались изъятия и «обмены» между столичными и провинциальными музеями⁹³, не всегда возвращались иконы из центральных реставрационных мастерских и с зарубежных выставок⁹⁴.

Главный музей губернии часто не мог противостоять предпринимаемым центром попыткам перераспределения музейных ценностей. Не стоит и говорить, насколько уязвимы в этом отношении были музеи районные и народные. Очевидно, стремлением сохранить на территории губернии высокохудожественные произведения древнерусского искусства объяснялось то, что Вологодский государственный объединенный музей предложил Грязовецкому музею местного края совершенно неравноценный обмен — чучела зверей и птиц на плащаницу XVI века, иконы из Павло-Обнорского и Корнилиево-Комельского монастырей и др.⁹⁵

Одним из несомненных достоинств сложившейся коллекции является наличие точных

сведений о происхождении почти всех памятников, входящих в ее состав. Этим она выгодно отличается от собраний, вобравших в себя частные коллекции. В них иконы нередко поступали через многочисленных перекупщиков, вследствие чего владелец оставался в неведении, из какой местности происходит произведение, не говоря уже о его принадлежности к конкретному храму. В экспедиционных материалах И.В. Федышина содержится ценная информация о расположении памятников в церквях и окружавшей их утвари, дается характеристика самой архитектуры храмов. На все иконы, поступавшие в собрание⁹⁶, были заведены паспорта с указанием их местонахождения до поступления в музей, что обеспечило серьезную научную базу для будущей исследовательской работы.

Интенсивность комплектования и постановки на государственный учет памятников древнерусской живописи не помешала исследователям 1920-х годов сделать ряд важных научных выводов, ставших существенным шагом вперед в деле изучения вологодской

И.В. и Е.Н. Федышины в фондах музея. 1941 г. (?)

иконописи. В издании Вологодского музея «Северные памятники древнерусской станковой живописи»⁹⁷ 1929 года была опубликована статья «Живопись конца XV столетия в привологодском районе», написанная В.А. Богусевичем⁹⁸ — первым исследователем, обратившимся к изучению художественных особенностей вологодских икон. Он выделил несколько групп ранних произведений, различающихся по стилю, а также на основе анализа живописных особенностей и сохранившихся документов поставил вопрос о принадлежности знаменитой иконы «Димитрий Прилуцкий, с житием» конца XV — начала XVI века из Спасо-Прилуцкого монастыря (кат. № 32) Дионисию Московскому.

В том же сборнике опубликована статья И.В. Федышина «Современное состояние памятников древнерусской живописи в Вологодской губернии»⁹⁹. Автор щедро делится ценным опытом специалиста, не только имеющего художественное образование, но и хорошо знакомого с искусством иконописи, к которому он приблизился двенадцатилетним мальчиком во время послушания в иконописной мастерской

Соловецкого монастыря. Иван Васильевич акцентирует внимание на необходимости внимательного изучения материалов и техники произведения иконописи для выявления древних памятников, говорит об их реставрации как важной составляющей процесса изучения. Он подчеркивает, что ошибки В.К. Лебедева и И.В. Евдокимова¹⁰⁰ были вызваны обращением к памятникам, не раскрытым от поздних записей. Новые методы исследования позволили музею уже на первых порах обнаружить в вологодских храмах ряд неизвестных ранее икон XV—XVI веков. Обследование церквей показало и печальную картину состояния сохранности произведений: И.В. Федышин отмечает, что половина из них нуждается в незамедлительном укреплении и охране со стороны государства.

Из отчета о работе музея за 1924/1925 бюджетный год следует, что в это время остро стоял вопрос о реставрации икон и в музейной коллекции. Уже в 1924 году в экспозиции древнерусской живописи¹⁰¹, размещенной в двух залах Иосифовского корпуса, было представлено девяносто восемь памятников.

Антирелигиозная выставка. 1941 г.

Однако в отчете среди основных направлений деятельности музея первое место отводится комплектованию собрания и реставрации. Поскольку иконы поступают в коллекцию из закрытых церквей и монастырей бесплатно, «подотдел древнерусской живописи в музее легче, чем какой-либо другой, поставить на должную высоту в научно-художественном и краевом отношениях». Кроме того, именно в этой области искусства «местный край располагает достаточным количеством и разнообразием материала и наличием крупных местных мастеров древности, среди которых выделяется Дионисий Глушицкий (конец XIV — начало XV века) и Гринков (вторая половина XVI века)». Но поскольку «большинство ценных поступлений в настоящем своем виде не показательны», они «времененно до расчистки должны оставаться в фонде»¹⁰².

Не ограничиваясь ролью собирателя, И.В. Федышин приложил немало усилий для укрепления и раскрытия памятников, уже находившихся в собрании музея. С этой целью в 1924 году он окончил специальные

курсы в Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) в Москве. По его инициативе 1 августа 1926 года в музее была создана реставрационная мастерская, работу которой возглавил командированный ЦГРМ известный реставратор и художник-миниатюрист А.И. Брягин¹⁰³. Уже за первые два месяца работы им были расчищены от потемневшей олифы и частичных записей иконы «Снятие со креста» из вологодской Сретенской церкви (датировалась серединой XV в., относится к первой половине XVI в.; ныне в ГТГ; илл. с. 56) и «Св. Георгий» из села Бережок Кадниковского уезда (датировалась XIV в., относится к XVI в.; ныне в ГРМ), укреплены пять икон и складень¹⁰⁴.

Несмотря на отсутствие специально оборудованного помещения, в результате этой деятельности к 1927 году было раскрыто двадцать икон XIV—XVI веков. Среди них — такие известные памятники как «Иоанн Предтеча в пустыне» (кат. № 13), «Успение» (кат. № 8), «Параскева Пятница» (кат. № 11), «Покров Богоматери» (кат. № 15) и «Богоматерь

Антирелигиозная выставка. 1941 г.

А.И. Брягин. Около 1948 г.

Воплощение» (кат. № 29), «Димитрий Прилуцкий, с житием» (кат. № 32) и «Пророчество сивиллы Тибуртины» 1723 года (инв. № 7862). Эти произведения ныне находятся в экспозиции древнерусского искусства.

По-видимому, темп работы и отсутствие строгого контроля над соблюдением методик со стороны ЦГРМ сказывались на качестве проводимых реставрационных работ. Во всяком случае, после прохождения курсов повышения квалификации музейных работников, организованных Музейным отделом Главнауки с 17 сентября по 21 ноября 1926 года, И.В. Федышин во многом пересмотрел свое отношение к реставрации. Он осознал необходимость получения разрешений ЦГРМ на расчистку икон в мастерской музея и стал критически относиться

к методикам, применявшимся А.И. Брягиным и его предшественниками. Сохранившаяся переписка И.В. Федышина свидетельствует о глубоких переживаниях и любви к делу, которому он служит. «Одним словом, Грабарь вполне убедил меня, что по части расчистки без разрешения ЦГРМ мы не должны проводить какие-либо работы. Первые две наши пробы можно еще с натяжкой извинить хотя бы нашим незнанием законов, а дальнейшие работы после категорического предупреждения Куропатникова и меня Главнаукой будут считаться без сомнения весьма грубой выходкой» — пишет он Е.Н. Соколовой, сотруднице Вологодского музея, ставшей на долгие годы его ближайшим другом, женой и единомышленником. В другом адресованном ей же письме читаем:

«С тяжелыми иконами вроде «Страшного суда» можно обождать и не укреплять их до моего приезда... Должен сказать, что к укреплению Брягиным я отношусь довольно скептически, так как он почему-то совершенно изгнал из своей кухни... рыбий (осетровый) клей. Десятки опрошенных мною реставраторов, в том числе и Анисимов А.И., — все в один голос утверждают, что лучший клей все тот же рыбий... Вы посмотрите, Катя, на нашу икону Владимирской Богоматери, которая в 1907 году была расчищена и укреплена лучшими нашими русскими реставраторами братьями Чириковыми. Из рук этих мастеров 19 лет тому назад икона вышла целехонька, а теперь усиленно шелушится и местами вздувается... Все это, без сомнения, объясняется тем, что реставраторы Чириковы недобросовестно отнеслись к своей работе. Вот почему я и просил бы не давать командовать самому Брягину и более ценные памятники не укреплять до моего возвращения»¹⁰⁵. Осознание И.В. Федышиным своей важной миссии в деле сохранения памятников древнерусской живописи убергло многие произведения от гибели и непоправимых повреждений в результате применения в мастерской Вологодского музея непроверенных реставрационных методик.

Параллельно велась реставрация вологодских памятников в ЦГПМ, где были отреставрированы иконы из деисусного чина Покровского Глушицкого монастыря и «Снятие с креста» из Павло-Обнорского монастыря. Некоторые из них отправились на выставку произведений древнерусского искусства в Берлин, Кельн, Гамбург, Франкфурт-на-Майне и Лондон (1929–1932). Мир узнавал о самобытном искусстве Вологодской земли, все более очевидным становилось ее значение как крупного центра древнерусской культуры. К сожалению, участие в этой выставке, которая должна была, по мнению А.И. Анисимова, стать важным этапом популяризации собрания¹⁰⁶, имело для Вологодского музея и печальные последствия: семь из тринадцати икон, ставших ее экспонатами, по возвращении в СССР были переданы в собрания ГТГ и ГРМ.

Результаты заграничной выставки, безусловно, могли быть и более плачевными, поскольку изначально она была организована Госторгом «с целью возбудить интерес

иностранных торговых фирм и частных лиц к древнерусскому искусству и таким образом способствовать развитию торговли с иностранцами предметами русской старины. В задачи Госторга входила распродажа части экспонатов выставки, но исключительный научный интерес, который был вызван выставкой, рассматривавшейся как демонстрация национальных художественных сокровищ СССР, воспрепятствовал этому»¹⁰⁷.

В 1929 году И.В. Федышин получает одно за другим тревожные письма от А.И. Брягина и П.Д. Барановского¹⁰⁸. Предостережения не были беспочвенными: Наркомторг намеревался широко развернуть реализацию икон на зарубежном рынке¹⁰⁹. В научном архиве ВГМЗ сохранилась обширная переписка 1929–1930 годов с главной конторой Антиквариата Госторга, отношения с которой составляют особую страницу в истории вологодской коллекции темперной живописи.

В октябре 1928 года Вологодский музей был снят с государственного бюджета и находился на хозрасчете, что позволило Антиквариату выстроить отношения с музеем в соответствии со своими задачами и требованиями. Изъятие предметов из коллекции в Госхран, которому трудно было противостоять, случилось и раньше. Так, например, 29 февраля 1924 года вышло постановление Вологодского губисполкома об отборе в собрании Вологодского объединенного музея церковных ценностей, «не представляющих художественно-исторического значения», в целях отсылки в Госхран. Отбор был произведен особой назначенной Губисполкомом комиссией, которой было принято решение: «из находящихся в музее в большом количестве однородных предметов, одинаковой художественной ценности ... оставлять лишь по 1 экземпляру, а остальные признать подлежащими отправке в Госхран»¹¹⁰. В составленном списке оказалось немало ценных памятников, что вызвало протест со стороны музея и повторный просмотр отобранных предметов уже комиссией Главмузея, состоявшей из сотрудников объединенного музея и художников¹¹¹. Комиссия сочла «ценными в музейном отношении» пятьдесят один предмет из представленных в списке. Тем не менее, в отчете музея за 1924/1925 финансовый год отмечено изъятие двухсот восемнадцати единиц хранения.

Экспозиция отдела истории. 1932 г.

В 1929–1930-е годы представители Госторга часто посещали музей для отбора икон на продажу; к этой деятельности были подключены и многие известные специалисты в области древнерусской живописи. Так, А.И. Анисимов в письме И.В. Федышину от 1 июня 1929 года по поручению сотрудника Московской конторы Антиквариата Госторга Т.И. Сорокина спрашивает, «не желает ли Вологодский музей продать ... некоторые ненужные Музею фондовые вещи», и предлагает организовать совместные экспедиции по сбору икон на средства Госторга. Разворачивая свою деятельность в Вологодской губернии, контора Антиквариата Госторга финансировала не только экспедиционную деятельность и доставку памятников в Москву, но и их реставрацию. В процессе отбора выполнялись пробные расчистки и раскрытие предназначенных к продаже произведений, что было определенным шагом вперед в изучении вологодской иконописи. Антиквариат Госторга оплачивал труд реставраторов¹¹², стоимость материалов и содержание реставрационной мастерской.

К глубокому сожалению, в списки икон, отобранных для продажи иностранцам через Торгсин, попало немало высокохудожественных памятников. Среди двухсот пятидесяти икон, выделенных для этой цели из фондов Вологодского музея в 1929 году, значатся: «Преподобный Арсений Комельский» XVIII века (инв. № 6228), «Плач Богородицы при кресте» XVIII века (инв. № 6618), «Преображение» XVII века (инв. № 6232), «Воздвижение Креста» XVII века (инв. № 5740), «Богоматерь Казанская, со сказанием» XVII века (инв. № 6131) и многие другие произведения. Некоторые иконы из этого списка в 1950-х годах были повторно признаны не имеющими музейного значения и подверглись списанию. Но такие произведения мало интересовали и контору Антиквариата Госторга, которая настаивала на реставрации и передаче «только лучших икон»¹¹³.

Списки предназначенных для продажи икон утверждались Главнаукой, которая пыталась контролировать передачу икон Антиквариату и предлагала привозить памятники для отбора и оценки ее специалистами

Экспозиция отдела истории. 1956 г.

Сотрудники музея. 1950-е гг.

в Москву, что требовало больших затрат и ставило музей в крайне невыгодную ситуацию. В письме музея от 10 сентября 1929 года, адресованном вышестоящей организации, содержится просьба утвердить представленный список икон и высказывается несогласие с предлагаемой системой взаимоотношений музея с Главнаукой и Антиквариатом. Выдвигались следующие соображения: это «тормозит начатую работу по реализации икон и тем самым лишает Музей возможности своевременного получения средств, необходимых для дальнейшего обследования, охраны и собирания памятников искусства и старины на месте; во-вторых, переоценку икон московскими экспертами, если это необходимо, выгоднее произвести на месте, т.к. пересылка 250 икон в Москву для экспертизы потребует от Госмузея или Главнауки больших расходов, что, в общем, едва ли повысит намеченную на месте оценку икон; и, в-третьих, пересылка нерасчищенных икон в корне подрывает налаженную в Госмузее

реставрационную работу, лишая ее более прочной экономической базы. Причем сама реализация икон без расчистки их на месте обращается в простую коммерческую сделку и не дает музею широко использовать в научном отношении передаваемый Госторгу материал, без чего абсолютно немислим выпуск из музея коллекций даже трехстепенного значения»¹¹⁴.

Весомость приведенных аргументов заставила Главнауку командировать в Вологду Н.Р. Левинсона¹¹⁵ для просмотра отобранных памятников на месте, поскольку «при оценке предметов, отобранных для реализации на внешнем рынке, необходимо подходить с особым вниманием, учитывая, что при низкой оценке страдают интересы государственные и самого музея, получающего известный процент от вырученной суммы»¹¹⁶. Повторный просмотр памятников, передаваемых в Госторг, проводился специалистами Москвы и Ленинграда, что спасало раритеты от продажи за рубеж, но в то же время позволяло

с легкостью вывозить с периферии иконы для их передачи в коллекции центральных музеев.

Благодаря отметкам в учетной документации можно установить, что в Торгсин передали немногим более тридцати памятников. От остальных икон было решено отказаться «ввиду отсутствия ... мастеров-реставраторов, которые могли бы в нужное ... время обработать весь материал, а с другой стороны и в силу изменившихся условий заготовки памятников древнерусской живописи»¹¹⁷. По-видимому, Антиквариат рассчитывал на более высокий уровень доходов от затеваемой кампании, но многие из присланных музеем икон оказывались недостаточно высокого художественного уровня, а качество и методы реставрации были неприемлемы для выполнения поставленной задачи. В письме музею от 5 марта 1930 года расписка некоторых икон признана Антиквариатом неудовлетворительной, поскольку «приведение их в порядок должно вестись в зависимости от тех требований, которые вам, очевидно, не известны»¹¹⁸. Согласно этим требованиям, было необходимо восполнить утраты авторской живописи и местами оживить «охраня и письма линий на платье ... дабы иметь большой успех на рынке»¹¹⁹. Вызывают сомнения в качестве выполняемых реставрационных работ и их темпы, обусловленные постоянным нажимом со стороны Госторга.

Время подъема и активной работы по раскрытию памятников древнерусской живописи в Вологде оказалось недолгим. С прекращением финансирования работ по заданию Антиквариата Госторга в 1930 году реставрационная мастерская в Вологодском музее закрылась, и А.И. Брягин покинул Вологду на долгих девять лет.

Собрание продолжало пополняться: в 1940 году коллекция отдела истории включала 31 495 экспонатов¹²⁰, значительную часть которых составляли иконы, хранившиеся вместе с другими предметами дореволюционного прошлого. В документах того времени отмечается большая перегруженность фондовых помещений: «хранение не упорядочено, материал не систематизирован ... настолько сружен, что не доступен ни для проверки, ни для просмотра»¹²¹.

Сотрудниками музея велась напряженная работа по переучету коллекций отделов

Н.И. Федьшин

музея, рациональному распределению площади фондовых помещений и их оборудованию для размещения собрания. К 1941 году условия хранения были значительно улучшены, но сохранность иконного фонда нельзя было обеспечить без выполнения необходимых консервационно-реставрационных работ. Еще в 1939 году музей нашел возможность снова пригласить на работу А.И. Брягина, несмотря на отсутствие штатной единицы художника-реставратора. Судя по сохранившейся переписке, Александр Иванович сам изъявлял горячее желание вернуться в Вологду и планировал приступить к раскрытию датированных памятников вологодской иконописи¹²².

Продолжалась работа по охране историко-архитектурных, историко-революционных и художественных памятников, состоящих на государственном учете, планировался выезд для обследования их технического состояния в районы Тотьмы, Великого Устюга, Никольска и Тарноги¹²³. Беда, обрушившаяся на страну 22 июня 1941 года, заставила жить и действовать по законам военного времени — приступить к демонтажу экспозиций и срочной эвакуации музейных ценностей.

Экскурсия по экспозиции древнерусского искусства в Экономском корпусе.
И.А. Пятницкая, справа от нее С.В. Викулов. 1972 г.

Работа по упаковке и оформлению сопроводительной документации стала основной для всех научных сотрудников музея летом и осенью 1941 года. В предвоенное десятилетие, судя по тематике проводимых музеем экскурсий, древнерусское искусство не было предметом популяризации и видимой гордости музея: произведения древней живописи привлекались лишь для раскрытия исторических тем и атеистической пропаганды. Несмотря на это, старые сотрудники музея, унаследовавшие от дореволюционной интеллигенции трепетное отношение к памятникам старины, понимали ценность коллекции икон и меру своей ответственности за ее судьбу. Заведующая фондами исторического отдела Е.Н. Федышина отмечает в своем отчете о работе за четвертый квартал 1941 года, что в первую очередь приступили к отбору и упаковке произведений именно из этой коллекции. Наиболее ценные памятники древнерусской живописи осенью и зимой 1941 года были эвакуированы в глубокий тыл: семьдесят девять икон — в Тотемский районный музей, а пятьдесят три иконы, наряду

с предметами из других коллекций, по распоряжению Наркомпроса РСФСР — на временное хранение в Омский краеведческий музей¹²⁴. Этим музеям предписывалось разместить прибывшие ценности в упакованном и опечатанном виде в соответствующих помещениях, которые гарантировали бы их полную сохранность¹²⁵.

Ввиду спешного свертывания экспозиций в связи с размещением в августе 1941 года в большей части зданий Архиерейского дома военных складов¹²⁶ пришлось максимально использовать неотопливаемые фондовые помещения и снова нарушить систему хранения коллекций. Значительная часть музейного собрания была приготовлена к отправке, но так и осталась упакованной в ящики в помещении особой кладовой. Икон в этих ящиках не было¹²⁷, все наиболее ценные памятники входили в число приоритетных при эвакуации. Позднее в те же помещения были втиснуты экспонаты закрытого Антирелигиозного музея, мебель и хозяйственный инвентарь. Вследствие этого «пришлось все вещи расставить только с учетом их

хрупкости и сохранности в противоположном отношении» — сообщается в отчете о работе музея за 1942 год¹²⁸.

Работавшие в это время в фондах два человека — заведующая и техническая служащая — прилагали все усилия для обеспечения сохранности коллекции. Летом 1942 года ее размещение даже было несколько упорядочено, насколько это оказалось возможным при тесноте и частом привлечении сотрудников к общественно-хозяйственным и другим работам, связанным с обороной. Кроме того, из-за сокращения штатов Е.Н. Федышиной приходилось выполнять работу библиотекаря, машинистки, бухгалтера и многое другое¹²⁹.

Деятельность музея в военные годы сводилась к обеспечению сохранности собрания и организации выставок-передвижек¹³⁰, к оформлению которых постоянно привлекались заведующая фондами Е.Н. Федышина и реставратор А.И. Брягин. Тем не менее работы по реставрации икон не прекращались: выполнялись консервация и пробные расчистки, целью которых было выявление наиболее интересных произведений для последующего раскрытия. По отчетам А.И. Брягина, в 1942 году частичное раскрытие прошли восемь памятников¹³¹; в 1943 году была расчищена икона «Святитель Николай Чудотворец, с житием» с тридцатью двумя клеймами XVII века и укреплено сорок икон¹³². В 1944 году, когда учеником реставратора стал Н.И. Федышин¹³³, была проведена расчистка десяти и консервация тридцати пяти памятников¹³⁴.

Несмотря на прилагаемые усилия, в военные годы, по-видимому, удалось сохранить не все памятники. Хотя мы не располагаем документами об утратах произведений в результате эвакуации и реэвакуации, количественный состав коллекции за военный период существенно сократился. Л.М. Харлапенкова¹³⁵ в характеристике коллекции древнерусской живописи отмечает, что в годы Великой Отечественной войны коэффициент гибели памятников был значительным. Возможно, в связи с ухудшением состояния сохранности собрания в целом в 1945 году А.И. Брягин обследовал не отправленные в эвакуацию памятники и подготовил список «икон не музейного значения и ветхих», которые предполагалось исключить из состава коллекции.

Н.В. Перцев

После дополнительного просмотра икон специальной комиссией из представителя Комитета по делам Культпросветучреждений при Совете министров РСФСР Л.С. Ретковской, директора Вологодского музея Г.И. Соколова и заведующей фондами Е.Н. Федышиной, 7 августа 1950 года из состава коллекции были выведены двести пятьдесят три иконы¹³⁶.

В военные годы собрание пополнялось мало, но в отчете о работе музея за 1943 год среди наиболее ценных поступлений отмечено приобретение иконы XVII века строгановских писем. В ноябре 1944 года из зданий Архиерейского двора были выведены склады военного ведомства, и для хранения фондов выделили дополнительные помещения — четыре комнаты на нижнем этаже Консисторского корпуса, куда были перенесены памятники древнерусской живописи, резьбы по дереву и деревянные изделия. К сожалению, эти помещения не отапливались, что создавало немалые трудности в обеспечении необходимого температурно-влажностного режима и затрудняло работу с фондом. Малочисленным коллективом энтузиастов — Е.Н. Федышиной, бывшей в те годы единственным хранителем всего собрания, А.И. Брягиным и Н.И. Федышиным — была проделана

огромная работа по изготовлению стеллажей, переносу и размещению памятников в новых фондохранилищах¹³⁷.

Музей спешил раскрыть свои двери для посетителей и восстановить экспозиции, свернутые с началом войны. Разумеется, первая из них, открывшаяся к 7 ноября в девяти залах Иосифовского корпуса, была посвящена Великой Отечественной войне. Но следом за ней в здании Воскресенского собора была устроена стационарная художественная выставка, которая состояла из двух разделов: иконопись XIV—XIX веков и творчество художников области. На восстановлении экспозиций были заняты все сотрудники музея. А.И. Брягину и Н.И. Федышину приходилось выполнять не только реставрационные, но и оформительские работы. На удивление быстро возобновилось изучение коллекции: в 1944 году с ней работала Л.С. Ретковская из ГИМ, оказавшая помощь в атрибуции памятников; тогда же музеем был подготовлен к печати труд «Живописные и архитектурные памятники церковной старины»¹³⁸.

Специализированного отдела, который занимался бы изучением и экспонированием древнерусской живописи, в музее не было до конца 1960-х годов. При этом иконы показывались на художественных выставках вместе с картинами современных художников и произведениями декоративно-прикладного искусства, а также в отделе истории дореволюционного прошлого, где под экспозицию икон был выделен особый зал. И все же в послевоенное десятилетие древнерусскому искусству уделялось мало внимания: так, оно не отмечается среди популярных тем в просветительской деятельности. Кроме того, о нем не упоминается ни в планах работы музея, ни в программах производственных занятий и учебы сотрудников, а также в «Едином плане научно-исследовательской работы музеев Вологодской области»¹³⁹. Наконец, комплектование фондов было связано в основном с темой Великой Отечественной войны. Даже с усилением пропаганды научного атеизма для показа «антинаучной сущности религии и эксплуататорской роли церкви» привлекались, как правило, материалы отделов природы и истории¹⁴⁰. По-видимому, сакральная сторона икон представлялась неотделимой от их художественных особенностей, что приводило к игнорированию на местном

уровне исследований и пропаганды древнерусского искусства. В 1950—1960-х годах на повестке дня не только не стояла задача пополнения коллекции икон, но и было предпринято несколько попыток «чистки» фонда.

В 1953 году была проведена инвентаризация, в результате которой наметили к списанию сто сорок четыре иконы собрания. К счастью, они не были уничтожены и остались в музейном хранилище. При повторном просмотре этих памятников в 1964—1965 годах Н.И. Федышин и Н.А. Дёмина признали часть из них отнесенными к этой группе ошибочно; был сделан новый отбор. В 1966 году к их рассмотрению обратилась комиссия, в которую, помимо сотрудников музея, входили представители ГЦХРМ Н.Н. Померанцев и Р.А. Попов. После этого были составлены списки на исключение из коллекции и на «обмен с действующими церквями», а также осуществлено внесение памятников в инвентарные книги.

Иконы обменного фонда решением Министерства культуры РСФСР предполагалось передать Тотемскому краеведческому музею, но они так и не покинули фонды Вологодского музея. В этом списке — поздние иконы XVIII—XX веков, которые тогда считались не представляющими ценности в сравнении с оставшимися в коллекции многочисленными раритетами. Между тем среди них немало памятников редкой иконографии¹⁴¹, интерес к которым, как и к поздней иконописи вообще, в настоящее время очень велик. Не столь счастливой была судьба икон, определенных к списанию: уничтожение большинства из них, по-видимому, состоялось. Их живопись охарактеризована как «грубая ремесленная работа», а состояние сохранности — как «плохое». Возможно, сейчас некоторые из этих икон были бы отнесены к народному искусству и составили бы интересную группу самобытных памятников.

Поддерживать коллекцию древнерусской иконописи в хорошем состоянии было непросто: неотопляемые хранилища фондов в нижнем этаже здания Консistorии создавали много проблем, микроклимат в них был далек от идеального. Положение осложнялось тем, что до середины 1960-х годов в штате музея не было должности художника-реставратора¹⁴². На всем протяжении

Н.И. Федьшин на выставке «Древнерусская живопись. Новые открытия». 1977 г.

Н.И. и И.Н. Федышины в мастерской музея. 16 ноября 1977 г.

1950-х годов Н.И. Федышин, помимо реставрации икон, занимался оформительскими работами, принимал участие в просушке, чистке и дезинфекции тканей, мягкой мебели, чучел зверей и птиц, удалял коррозию с металлических предметов в экспозиции. Круг его обязанностей был так широк, что он не мог сосредоточиться на любимом деле всей своей жизни.

В письме от 22 сентября 1968 года, адресованном директору ГЦХРМ, музей сообщает, что семьдесят восемь из трех тысяч икон коллекции находятся под старыми профилактическими заклеями, сделанными

еще в 1920–1930-х годах И.В. Федышиным и А.И. Брягиным. Продолжительность пребывания живописи под заклеями и использование плотной бумаги плохо сказывались на состоянии сохранности памятников, и музей не мог обойтись без помощи специализированных реставрационных организаций. Реставрацией и дезинфекцией икон в 1950–1960-х годах активно занимались выездные бригады реставраторов ГЦХРМ¹⁴³.

Большое значение в деле изучения и атрибуции вологодского собрания имела работа Натальи Алексеевны Деминой, известного искусствоведа, старшего научного сотрудника

Музея имени Андрея Рублёва. В 1955 году его был составлен список значительной части произведений иконного фонда¹⁴⁴, в котором были выделены наиболее ценные памятники, в ряде случаев отмечены особенности иконографии и живописи, а также уточнены датировки. В зависимости от исторической и художественной ценности иконы были условно разделены на три категории, а уникальные произведения подробно описаны. Бескорыстная помощь Н.А. Дёминой имела огромное значение для Вологодского музея: ее труд можно считать основополагающим для всей дальнейшей собирательской, исследовательской и реставрационной работы. Не без влияния Н.А. Дёминой обновилась тематика краеведческого лектория, в которой появляются искусствоведческие лекции. Но специальные экскурсионные темы, связанные с древнерусской живописью, в это время широкому кругу посетителей музея не предлагались.

Благодаря обращению к коллекции таких специалистов, как Н.А. Дёмина, Д.И. Арсенишвили и В.Г. Брюсова, В.В. Филатов, О.А. Белоброва и Т.Н. Кедрова (Загорский музей), Г.И. Вздорнов, Н.Н. Померанцев и С.В. Ямщиков, Е.К. Пагольская (Новгород) и Г.В. Попов, отношение к древнерусской живописи постепенно менялось. На волне возросшего интереса при музейном показе признавались приоритетными художественные достоинства иконописи, а устроенная в 1965 году стационарная выставка «Древнерусская живопись» стала одной из самых посещаемых и наиболее популярных при заказе экскурсий.

Необходимость создания специализированного художественного отдела в структуре Вологодского музея становилась все более очевидной. В собрании имелось большое количество высококачественных произведений, которые влияли на выбор экспонатов и определяли содержание экспозиций. Участники Всероссийского совещания музейных работников, проходившего в 1967 году на базе Вологодского областного краеведческого музея, отметили эту специфику коллекции. Представитель Читинского музея А.Ф. Саравев в своем выступлении заметил, что у него сложилось впечатление, что «музей не исторический, а художественный»¹⁴⁵. Краеведческому музею было необязательно иметь художественный отдел, и еще в 1952 году от него

отказались, выделив в самостоятельное учреждение — Вологодскую областную картинную галерею, получившую из музейного собрания коллекцию живописи, графики и мебели.

Богатейшая коллекция икон и других произведений древнерусского искусства в собрании краеведческого музея становилась все более востребованной. В 1969 году был создан специализированный экспозиционный отдел во главе с И.А. Пятницкой¹⁴⁶. Он был назван отделом древнерусского и народного искусства, что определило основную сферу его деятельности, хотя не означало полного отказа от работы с другими видами изобразительного искусства.

1960–1980-е годы были временем активного пополнения коллекции. В 1966 году в фондах значилось 2763 единиц хранения, хотя в реальности количество икон в коллекции было значительно больше. В учетную документацию не были внесены сто сорок четыре иконы из иконостаса Софийского собора и ряд имевшихся в наличии памятников, которые в последующие годы ставились на учет большими группами с записью «из фондов музея» в графе, определяющей источник поступления.

В это тридцатилетие многочисленные музейные экспедиции с различными целями обследовали районы области, как хорошо изученные в 1920–1930-х годах, так и те, которые тогда не были охвачены. Среди памятников, собранных во многих из этих экспедиций, были иконы¹⁴⁷. Таким образом пополнился четырнадцатью произведениями комплекс икон из Покровского Глушицкого монастыря, тридцать семь памятников поступило из Грязовецкого района, пять — из Кубеноозерского района, семь — из Харовского и девяносто один — из Верховажского.

Кроме сотрудников Вологодского музея, в экспедициях участвовали исследователи из реставрационных организаций и Академии наук СССР. Среди наиболее значительных находок следует отметить крупный комплекс икон из Спасо-Нуромской церкви, вывезенный экспедицией 1966 года под руководством Н.Н. Померанцева (ГЦХРМ), в которой участвовал художник-реставратор музея Н.И. Федьшин. В феврале — марте 1979 года Н.И. Федьшиным при участии районного отделения ВООПИК были обследованы церкви

Открытие персональной выставки Н.И. Федышина. 1977 г.

и часовни Верховажского района — Сидоро-Слободская Ильинская церковь, Фроловская часовня в деревне Костино Терменского сельсовета, Троицкая Шелотская, Иоанно-Предтеченская Боровская Олюшинского сельсовета, Воскресенская в деревне Слудное этого же сельсовета и каменная Николаевская церковь Олюшинского сельсовета бывшего Вельского уезда. Состояние иконостасов некоторых заброшенных и полуразрушенных храмов было плачевным. В Вологодский музей было вывезено и спасено от гибели восемьдесят восемь икон, многие из которых находились в аварийном состоянии и требовали срочного выполнения консервационно-реставрационных работ¹⁴⁸.

Интуиция и профессиональное чутье позволяли специалистам находить иконы в самых неожиданных местах, где они использовались в качестве строительного материала и для разных хозяйственных нужд. Так, в 1981 году Н.И. Федышин обнаружил в пустом доме, принадлежавшем Шелыгинской школе-интернату, икону «Тайная вечеря» конца XVIII века, ранее находившуюся в Воскресенской Шелыгинской церкви. Из нее и

еще двух икон, живопись которых не сохранилась, была сделана переборка. Настоящей удачей экспедиции под руководством А.А. Рыбакова в 1974 году стала находка иконы «Тайная вечеря. Омовение ног» (инв. № 18135) из праздничного ряда иконостаса Софийского собора в Вологде 1687 года. Написанные Ермолаем и Яковом Сергеевыми, Григорием Агеевым, Федором Григорьевым, Семеном Карповым, Петром Савельевым и Тимофеем Петровым, иконы этого иконостаса около 1738 года были переданы в Богоявленскую церковь села Раменское — вотчину вологодского Архиерейского дома, а в 1940 году их переделали в ульи и кормушки для скота. Найденная под грудой дров в церковном сарае упомянутая икона — единственная сохранившаяся из второго по времени иконостаса главного собора епархии, — расширяет наши представления о творчестве вологодских иконописцев и ныне утраченном высокохудожественном комплексе.

Поступления памятников из действующих городских храмов в послевоенный период были крайне редки. При этом передавались иконы, находившиеся вне церковного

50-летие Н.И. Федышина. 1978 г. Поздравление коллег из ВСНРПМ

пространства: так, при обследовании Лазаревской церкви Вологды в 1982 году музею были переданы пятнадцать икон, обнаруженных Н.И. Федышиным в сарае при храме.

Коллекция музея пополнялась и за счет больших комплексов икон из закрытых церквей, которые передавались реставрационными организациями и арендаторами культовых зданий. Если в первом случае памятники поступали после выполнения консервационных работ, то во втором они нередко имели значительные повреждения, причиненные в результате хозяйственного использования зданий, а иногда и актов вандализма по отношению к иконам. В конце 1970-х годов коллекция Вологодского музея пополнилась иконами XVI–XVIII веков из четырехъярусного иконостаса деревянной Успенской церкви Александро-Куштского монастыря, которые были обнаружены Н.И. Федышиным и архитектором ВСНРПМ Г.Г. Шапиным еще при обследовании храма в 1962 году. Тогда на месте было выполнено противаварийное укрепление пяти икон деисусного чина и все памятники пронумерованы в строгом соответствии с их расположением

в иконостасе, что очень существенно для изучения этого интереснейшего комплекса. С 1962 года до поступления в музей иконы хранились на продуктовом складе Усть-Кубенского дома инвалидов, в результате чего было утрачено еще пять из пятидесяти восьми произведений¹⁴⁹. В 1978 году в музей поступили сорок пять икон из деревянной церкви Покровского Глушицкого монастыря Сокольского района. Не менее значительными были поступления из храмов Вологды: в 1972, 1977 и 1985 годах — шестьдесят девять икон из иконостасов церкви Димитрия Прилуцкого на Наволоке последней трети XVIII века, в 1972 году — сорок четыре иконы из иконостаса церкви Иоанна Предтечи в Рощенье; тогда же были поставлены на учет сто сорок четыре иконы из иконостаса Софийского собора.

В коллекции имеется немало количество произведений иконописи, переданных в разные годы правоохранительными органами. Среди них есть отдельные памятники, отличающиеся высоким качеством письма и представляющие большой интерес для исследователей. Но, безусловно, эти поступления

не столь значительны, как цельные комплексы икон, место бытования которых известно, что прибавляет к их живописным достоинствам немалую историческую ценность.

В качестве еще одного источника комплектования следует отметить поступление икон из частных собраний. В 1972 году в дар музею была передана личная коллекция икон и деревянной скульптуры художника-реставратора В.К. Седова, собранная им в Грязовецком и Кубеноозерском районах и включавшая двадцать одну икону XVI–XVIII веков. В 1987 году музей приобрел пятнадцать произведений XVI–XVIII веков из коллекции вологодских художников Николая и Генриэтты Бурмагиных. В целом за этот период объем иконного собрания музея возрос более чем на тысячу единиц хранения (по результатам инвентаризации 1965 года эта цифра составляла 2763 единицы хранения).

В 1978 году бесценный дар от вологодского художника В.Н. Корбакова получила Вологодская областная картинная галерея, которой были переданы памятники XVI века — Царские врата (*кат. № 115*) и икона «Богоматерь Одигитрия» (*кат. № 57*), ставшие первыми произведениями иконописи в собрании этого музея. В 1980-х годах эта небольшая коллекция пополнилась восемью иконами из деисусного чина, иконами «Избранные святые» XVII века и «Архангел Михаил» рубежа XVIII–XIX веков, которые были куплены галереей у частных лиц в селе Новленском Вологодской области.

В конце 1960-х годов наступает новый этап активного раскрытия памятников из вологодского собрания. В это время Н.В. Перцевым¹⁵⁰ была создана бригада художников-реставраторов при Вологодской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской. Она стала главным партнером музея в деле реставрации древнерусской живописи вплоть до 1985 года. Темпы работ в этой организации были таковы, что уже в 1970 году в музее открылась вставка новых открытий реставраторов, на которой экспонировалось двадцать шесть произведений.

Значительно активизировалась реставрационная деятельность и в самом музее. Помимо участия в реставрации монументальной живописи Софийского собора Вологды, в течение 1969 года Н.И. Федышин укрепил

тридцать шесть икон из фондов Вологодского музея и оказал большую помощь по обследованию и консервации икон в музеях области¹⁵¹. 1972 год ознаменовался открытием в Экономском корпусе Архиерейского дома первой постоянной экспозиции древнерусского искусства, на которой вологодская иконопись впервые была показана в ее историческом развитии.

На протяжении 1970-х годов сотрудниками отдела древнерусского и народного искусства была проделана большая исследовательская работа и подготовлены к изданию каталоги выставок: «Древнерусская живопись. Выставка новых открытий»¹⁵², «Живопись Вологодских земель XIV–XVIII веков»¹⁵³ и «Древнерусская живопись. Новые открытия»¹⁵⁴. Последняя из перечисленных была персональной выставкой реставрационных работ художника-реставратора Н.И. Федышина, на которой было представлено восемьдесят три произведения, прошедших реставрацию за последнее десятилетие.

В 1970-х годах к изучению коллекции и ее истории обратился Г.И. Вздорнов. В 1972 году вышла в свет его книга «Вологда»¹⁵⁵, в 1975 году — подготовленный исследователем сборник материалов «Из истории реставрации древнерусской живописи. Переписка И.В. Федышина (1924–1936)»¹⁵⁶ и статья «Вологодские иконы XIV–XV веков»¹⁵⁷. В это же время были опубликованы книга Г.Н. Бочарова и В.П. Выголова «Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск»¹⁵⁸ и первые статьи А.А. Рыбакова, ставшего основным исследователем древнерусской живописи Вологодчины в 1980–1990-х годах. Ко времени появления в 1995 году фундаментального труда Рыбакова «Вологодская икона»¹⁵⁹ количество раскрытых памятников вологодского собрания, как и сама коллекция, значительно возросло, и исследователь обратился к гораздо большему числу произведений, нежели его предшественники, располагая их по региональному принципу.

Сложившееся к 1990-м годам собрание за последние пятнадцать лет пополнилось мало. Это единичные памятники, не всегда связанные с Вологодской землей, поступившие от частных лиц, финансовых и правоохранительных органов, а также Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ.

Экспедиция в Верховажский район в августе 1979 г. Иконы из церкви Иоанна Предтечи Олюшинского сельсовета Верховажского района. А.И. Фёдоров и Н.И. Федышин (справа).

В 1990-х годах происходил и обратный процесс передачи поздних памятников из собрания музея Русской православной церкви: в 1991 году пятьдесят пять произведений из коллекции древнерусской живописи были переданы Вологодскому епархиальному управлению и одиннадцать икон — церкви Андрея Первозванного в Вологде¹⁶⁰. В 1994 году четыре иконы из музейного собрания получила Введенская Оптина пустынь¹⁶¹.

В результате собирательской деятельности просвещенного духовенства, краеведов, любителей живописи и многих поколений музейщиков в Вологодском государственном музее-заповеднике сложилась одна из крупнейших в стране коллекций древнерусской живописи. В основном это памятники, собранные в Вологодском, Кадниковском и Грязовецком районах, составлявших когда-то обширный Вологодский уезд. Остальные районы области представлены единичными произведениями либо совсем не представлены. В коллекции нет памятников, происходящих из западных уездов — Череповецкого,

Кирилловского, Белозерского и Устюженского, — некогда входивших в состав Новгородской губернии и присоединенных к Вологодской области только в 1937 году. Значительными были поступления из Каргопольского и Вельского районов, которые сейчас не относятся к Вологодской области.

Хотя в коллекции центрального областного музея не представлены памятники, связанные происхождением со всеми районами Вологодской области, музей не ставит своей задачей охват столь широкой территории. В области существует немало других крупных собраний, отражающих местные особенности иконописи: это коллекции Великоустюгского и Кирилло-Белозерского музеев-заповедников, Череповецкого и Тотемского музейных объединений, Устюженского краеведческого музея. В наше время первоочередной задачей представляется обеспечение сохранности имеющегося в музее собрания и введение в научный оборот новых памятников древнерусской живописи из его состава.

Сотрудники музея в год его семидесятилетия. 1993 г.

Над консервацией и реставрацией икон работают музейные художники-реставраторы И.Н. Федьшин¹⁶² и Н.Н. Федьшин¹⁶³ — представители славной музейной династии, вклад которой в дело комплектования, реставрации и изучения вологодской коллекции икон трудно переоценить. Значительное количество памятников собрания прошли консервацию и полную реставрацию в образовавшемся в 1985 году Вологодском филиале ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря, а отдельные памятники — в Межобластных научно-реставрационных художественных мастерских. Так, в рамках федеральной программы «Культура России» в 2002 году бригадой В.А. Акимовой была выполнена консервация икон из иконостаса Софийского собора.

Реставрация ряда икон была осуществлена за счет выделения целевых средств из федерального и областного бюджетов¹⁶⁴, в том числе — в рамках программы «Культура России». Это иконы, раскрытые реставраторами музея в 2001–2002 годах: «Спас Нерукотворный» XVII века (инв. № 5976), «Собор Богоматери» XVII века (инв. № 10477)

и многочастная икона середины XVI века (кат. № 78).

Особого внимания и благодарности заслуживает участие в сохранении культурного наследия предприятий Вологды и частных лиц. Так, на средства ООО «Вологдамол-продукт» (генеральный директор А.В. Шмуттер) в 1999 году была отреставрирована икона XVII века «Антоний, епископ Вологодский и Великопермский» (инв. № 10118). В 2000 году А.В. Новиковым (автономная некоммерческая организация «Международный институт корпораций», Москва) была профинансирована полная реставрация иконы «Акафист Богоматери» конца XVII — начала XVIII века (инв. № 7846). В 2003 году на средства Е.М. Лунина (г. Череповец) была закончена сложная многолетняя реставрация иконы XVIII века «Димитрий и Игнатий Прилуцкие, с житием» с двадцатью клеймами (инв. № 6124).

Ряд отреставрированных памятников ежегодно пополняется двумя-тремя новыми произведениями, но пока раскрыто не многим более десяти процентов собрания икон. О живописи многих нераскрытых икон

Сотрудники музея. 1993 г.

можно судить лишь по пробным реставрационным расчисткам, выполненным в разные годы, но значительная часть памятников таит под темной олифой и записями еще не доступную для изучения авторскую живопись.

Большую часть коллекции составляют иконы XVII–XVIII веков; процент раскрытых памятников в этой группе значительно ниже, чем среди ранних произведений. А ведь именно на иконах того времени сохранились бесценные авторские подписи. Реставрации и изучения ждут многочисленные произведения вологодских иконописцев и мастеров из Костромы, Ярославля и других центров.

Отреставрированные памятники из собрания древнерусской живописи Вологодского музея-заповедника широко представлены в действующей экспозиции художественного отдела, существующей с 2000 года (авторы концепции — А.А. Глебова и Т.Г. Петрова; дизайн-проект С.В. Иевлева). Они часто экспонируются на выставках: с начала 1990-х годов Вологодский музей принимал участие в десяти российских и шести зарубежных выставках. Иконопись Вологды

радовала Россию, Ватикан, Италию, Финляндию, Нидерланды, Венгрию, Германию, Англию и Испанию¹⁶⁵.

Неиссякающий интерес специалистов и широкого круга любителей древнерусского искусства, плодотворная работа реставраторов и научного коллектива музея внушает надежду на реализацию новых проектов, связанных с вологодской иконописью, появление выставок и научных публикаций, из которых по крупицам складывается многовековая история русского искусства. Мы надеемся, что немаловажным шагом в этом направлении станет и настоящее издание.

Примечания

1. Вологда в воспоминаниях, 1997. С. 76.
2. Алексей Александрович Засецкий — дворянин, вологодский помещик, капитан-поручик лейб-гвардии, писатель конца XVII века. Помимо указанной в статье работы известен как автор труда «Ответ на экономические вопросы о Вологодском уезде» (Труды Вологодского экономического общества. Т. XXIII. Вологда, 1773. С. 222–280) и переложения в стихотворную форму Книги премудрости Иисуса сына Сирахова (Москва, 1777).
3. Помимо «Вологодского летописца», Иваном Слободским в 1717 году была составлена служба преподобному Галактиону Вологодскому. Она сохранилась фрагментарно, в качестве сопроводительного текста к трем картинам с изображениями

- событий из жизни преподобного Галактиона, подвизавшегося в Свято-Духовом монастыре Вологды (подробнее см. *Малинина*, 1995).
4. «Вологодский летописец», собранный Иваном Слободским, публиковался в ВГВ (1865. № 7) и ВЕВ (1873. № 8–10). Научное издание осуществлено в 1982 году (ПСРА. Т. 37. С. 194–199).
 5. Евгений (Евфимий) Алексеевич Болховитинов, 1767–1837) — митрополит Киевский и Галицкий, известный ученый. После окончания Воронежской духовной семинарии и Московской славяно-греко-латинской академии, обучение в которой совмещал с посещением лекций в Московском университете, был префектом сначала Воронежской семинарии (с 1796 г.), а затем — Александро-Невской академии (с 1800 г.) и архимандритом Троицкого Зеленецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии. В 1804 году хиротонисан в епископа Старорусского, а с 24 января 1808 года стал епископом Вологодским. С 1813 года — епископ Калужский, в 1816 году возведен в сан архиепископа и назначен в Псков. С 1822 года — архиепископ Киевский, 16 марта того же года возведен в сан митрополита Киевского и Галицкого и назначен членом Святейшего Синода. Начиная с 1805 года, избирался членом многих университетов (Московского, Харьковского, Казанского, Виленского, Дерптского, Санкт-Петербургского), академий (Российской, Санкт-Петербургской медико-хирургической, Санкт-Петербургской и Киевской духовной академий, Академии наук) и научных обществ.
 6. Вестник Европы. 1813. Ч. 70, 71. В 1866–1867 годах эта статья была по частям опубликована в ВЕВ с комментариями Н.И. Суворова.
 7. Опубликовано с примечаниями и послесловием Н.И. Суворова в ВЕВ (1864. № 1).
 8. Опубликовано Н.И. Суворовым в ВЕВ (1864. № 3–6).
 9. Статья «Памяти Пресвященного Евгения, бывшего (с 1808–1813 г.) епископа Вологодского, впоследствии митрополита Киевского, — к столетнему юбилею его рождения 18 декабря 1767–1867 года» опубликована в ВЕВ (1867. № 22).
 10. Кроме перечисленных трудов, в 1808–1809 годах Евгением были написаны «Всеобщее введение в историю монастырей греко-российской церкви», «Описание Пекинского монастыря», «О личных собственных именах у славяно-руссов».
 11. П.И. Савваитов (1815–1895) известен как ученый-лингвист, автор «Зырянско-русского и русско-зырянского словаря» и «Грамматики зырянского языка», за создание которой он был удостоен Демидовской премии. Был избран действительным членом целого ряда научных обществ (императорского Русского географического, императорского Археологического, императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете и др.). С 1858 года являлся членом Археологической комиссии; под его наблюдением началось издание Великих Миней Четьих митрополита Макария; им были изданы Новгородская летопись по Синодальному списку и три тома новгородских писцовых книг. В 1865 году Савваитову была присуждена Уваровская премия за книгу «Описание старинных царских утварей, одежда, ратных доспехов и конского прибора, извлеченные из рукописей архива Московской Оружейной палаты».
 12. *Сапожников*, 2005. С. 102.
 13. «Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря» (Маяк. 1844. № 17. С. 25–30; СПб., 1844); «Описание Велико-Устюжского Архангельского и приписного к нему Троице-Гледенского монастырей» (СПб., 1848); «Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни» (СПб., 1850); «Описание Семигородней Успенской церкви и упраздненного Катромского монастыря» (СПб., 1856); «Описание вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря» (СПб., 1860).
 14. Вологда в воспоминаниях, 1997. С. 58.
 15. Николай Иванович Суворов (1816–1896) — историк, археограф, сын священника Никольского уезда. Окончил Вологодскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, более сорока лет преподавал в Вологодской духовной семинарии. Был основателем и редактором Вологодских епархиальных ведомостей и одним из основоположников вологодского краеведения. Состоял членом императорского Русского географического общества и был награжден его медалью за труды по этнографии; был членом императорского Русского археологического общества, императорского Общества любителей древней письменности и др. В словаре «Вологжане-краеведы» (Вологда, 1923) Александр и Алексей Веселовские приводят список из 296 его статей, опубликованных в Известиях императорского Археологического общества.
 16. ОПИ ВГМЗ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
 17. *Биланчук*, 2001. С. 82–83.
 18. *Савваитов*, 1860.
 19. *Суворов*, 1863.
 20. *Лебедев*, 1899.
 21. ИИАО. 1859. Т. II. Вып. 1. С. 58.
 22. ИИАО. 1859. Т. II. Вып. 1. С. 712 (с примечаниями И.И. Срезневского и П.И. Савваитова).
 23. ВГВ. 1859. № 44.
 24. ВГВ. 1860. № 33.
 25. ИИАО. 1861. Т. III. Вып. 4. С. 285–286.
 26. Там же. С. 300–301.
 27. ВЕВ. 1873. № 8–10; Вологда, 1874.
 28. *Суворов*, 1874/2.
 29. *Токмаков*, 1889.
 30. Иван Константинович Степановский (1850–1932) — историк-экономист. Получил образование в Петербургском и Московском университетах на юридическом факультете. С 1873 года служил в правительственных и земских учреждениях, в то же время занимаясь научно-литературным трудом и публицистикой. В 1887–1890 годах редактировал неофициальную часть Вологодских губернских ведомостей; в 1921 году основал научно-экономический комитет по изучению местного края и был его председателем вплоть до закрытия. Состоял членом ВОИСК и научным консультантом по вопросам экономики при Союзе Северных кооперативов. Кроме упомянутого основного труда является автором многочисленных исследований по экономике края, «Краткого исторического очерка о Вологодской губернии» (ВГВ. 1887. № 42), а также статей «Народные предания о Вологодской старине. Предание о разбойнике Анике» (ВГВ. 1887. № 38) и «Несколько слов о происхождении зырян» (ВГВ. 1887. № 41).
 31. *Степановский*, 1890.
 32. Александр Евграфович Мерцалов (1847–1906) — вологодский дворянин, историк и коллекционер. Окончил Вологодскую гимназию и некоторое время состоял при ней надзирателем, затем поселился в родовом имении и посвятил себя историческим исследованиям.
 33. *Мерцалов*, 1889.
 34. Домик Петра Великого, 1887. С. 12.
 35. Систематический сборник. Т. 2. 1905. С. 900–902.
 36. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 18–19.
 37. *Непеин*, 1903. С. 244, 246.
 38. *Аншина*, 1996. Л. 2.
 39. Там же.
 40. Речь идет о предметах, не содержащих драгоценные металлы и другие ценные материалы. С.А. Непеин в «Путеводителе по Вологодскому епархиальному древлехранилищу» (Непеин, 1900. С. 261) с сожалением отмечает, что «все древнее, ценное по материалу, оставляется на хранение в церквях и потом может исчезнуть, несмотря на присмотр местной археологической комиссии».
 41. ВЕВ. 1890. № 22.
 42. *Непеин*, 1903. С. 260.
 43. Иван Николаевич Суворов (1860–1926) — историк, архивист. Окончил Вологодскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в Вологодской духовной семинарии. С 1894 года был помощником редактора, а с 1896 года — редактором «Вологодских епархиальных ведомостей», с этого же времени исполнял обязанности председателя Постоянной церковной археологической комиссии при Вологодском древлехранилище. После революции работал заведующим архивным бюро и преподавал в педагогическом институте. В последние годы жизни вернулся к работе с документами XVI–XVII веков, в результате которой было составлено три выпуска «Актов Северного края». Кроме того, его заслугой является издание тринадцати выпусков «Описания свитков».
 44. *Непеин*, 1903.
 45. В.К. Лебедев считал Дионисия Глушицкого основоположником вологодского иконописания, говорил о широком распространении творений преподобного и влияния его творчества и эстетических идеалов на появление устюжской и строгановской иконописи, которая в свою очередь дала начало сибирскому

- иконописанию. Не вполне удачно можно назвать попытку вычленения основных черт творчества преподающего, отчасти в силу того, что исследователь не смог критически оценить сведения народных легенд, приписывающих кисти этого иконописца разновременные и различные по стилю произведения. На основании собранных автором народных преданий и церковных описей к произведениям преподающего отнесена тридцать одна икона, в числе которых — принадлежащие кисти Дионисия Московского и других мастеров. Между тем статья содержит описания и размеры икон, в том числе ныне утраченных, а также ценные сведения об их местонахождении в храмах, истории почитания и перемещений. Кроме того, здесь указаны источники информации, описаны иконографические особенности некоторых сюжетов и отдельных композиций, приведены важные данные об упоминаемых монастырях и храмах.
46. *Нелепин*, 1903. С. 257.
47. Нам не удалось найти саму статью, послужившую предметом горячего спора: И.Н. Суворов ссылается на ее публикацию в вологодской газете «Эхо» № 97 за 1914 год, но статья с таким названием в этом номере отсутствует. Можно предположить, что И.Н. Суворов имел возможность ознакомиться с ее содержанием в процессе подготовки к печати, но публикация в данном номере не состоялась.
48. *Эхо*. 1914. № 98; ВЕБ. 1914. № 3.
49. Пробное раскрытие стенописи церкви Иоанна Предтечи в Рожденье было сделано М.О. Чириковыми в июле 1905 года. Вероятно, это была композиция на текст Акафиста Богородице «Всякое естество ангельское удивися» на южной стене церкви, но дальше пробного раскрытия дело тогда не продвинулось. В 1911 году приход решил поправить «обнажившую» живопись западной стены, что, скорее всего, и было сделано тем же реставратором.
50. *Сахаров*, 1850. С. 34.
51. Выписка из реставрационного паспорта 1972 года, реставратор А.А. Рыбаков: «При реставрации 1907 года были прописаны лики Богородицы, Младенца и мафорий. Золотой фон срединка на местах утрат поправлен твореным золотом. Надписи прописаны более темной киноварью. Утраты левкаса по стыку досок были Чириковыми (М. и Г.) восполнены и тонированы с восстановлением цвета и рисунка».
52. *Федьшин*, 1929. С. 8.
53. *Анашина*, 1994. Л. 5–6.
54. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 88 об.
55. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 1. Л. 112 об.
56. Там же. Л. 111, 111 об.
57. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 2. Л. 72, 75, 76, 104.
58. Ф.М. Макаров неоднократно обращался в музей с просьбой принять его на работу, предлагая услуги по реставрации памятников и оценке антиквариата. В регистрационной карточке Вологодского лагеря принудительных работ нет данных, подтверждающих его квалификацию в этих сферах деятельности: до осуждения Макаров (уроженец Костромской губернии) проживал в Петрограде, имел домашнее образование, после 1918 года занимал должность помощника заведующего материальными складами Компроса. О занятиях Макарова до Первой мировой войны сведений нет («личный труд», возможно, иконописание), но он имел в банке капитал в 5000 рублей (ГАВО. Ф. 119. Оп. 2. Д. 36. Л. 173).
59. *Кольчев*, 1922. С. 38.
60. Иван Михайлович Шемигонов в рассматриваемый период, до отъезда в 1911 году на новое место службы в Минск, был управляющим государственными имуществами Вологодской губернии.
61. За пятнадцать лет, 1924. С. 9.
62. Иван Васильевич Еддокимов (1887–1941) — писатель, историк искусства, краевед, биограф, член СКЛИИ и ВОИСК. Родился в Кронштадте, провел детство в Вологодской губернии, позднее жил в Вологде. Экстерном сдал экзамены за курс Вологодской гимназии, до 1915 года учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Преподавал в Вологодском институте народного образования, Пролетарском университете Вологды, с 1922 г. в Московском государственном издательстве. Известен не только по искусствоведческим трудам, но и как писатель-прозаик. Наибольшую известность получили его романы «Колокол» и «Заозерье», повесть «Сиверко».
63. За пятнадцать лет, 1924. С. 9.
64. Там же. С. 17.
65. Поступления 1915 года: № 303 — «Иконы старинные 4 на дереве и 1 на холсте. От Самарина»; № 304 — «Икона старинная на дереве от А.В. Попова-Знаменского. Поступления 1916 года: № 744 — «Огненное восхождение пророка Илии, Богородица Ахтырская, Николай Чудотворец и 2 иконы на кипарисовых досках. От Владим. Флегонтов. Арсеньева». Поступления 1923 года: № 1240 — «Икона с медной ризой (сильно поврежденная); № 1281 — «Икона под стеклом малая» (дарители последних не указаны).
66. За пятнадцать лет, 1924. С. 24.
67. Сергей Васильевич Рухлов был сыном небогатого вологодского крестьянина и прошел путь от рядового служащего до министра путей сообщения. В 1915 году вышел в отставку и жил в усадьбе Новое под Вологодой.
68. Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) получил художественное образование в Академии художеств в Петербурге, с увлечением занимался изучением русской и европейской культуры. Издал серию книг об архитектурных памятниках старинных русских городов — Костромы, Курска, Воронежа и др. был корреспондентом ведущих художественных журналов и издательств России.
69. *Лукомский*, 1914.
70. Лукоморье. 1915. № 27.
71. Временник. Вологда, 1916.
72. *Евдокимов*, 1921.
73. Анкетный лист Музея иконописи и церковной старины от 23.11.1919 г. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.
74. ОПИ ВГМЗ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 18. ВГМЗ № 31298/11.
75. К 1923 году два музея Вологды являлись государственными (художественный и Музей иконописи и церковной старины), а два находились в ведении ВОИСК (Музей родинovedения и домик Петра I).
76. С 1925 года стал именоваться Вологодским государственным объединенным музеем.
77. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 96.
78. Такие комиссии создавались повсеместно на основе Положения о губернских научно-художественных экспертных комиссиях при Губмузеях Отделов народного образования для регистрации предметов искусства и старины, согласно постановлению ВЦИК и Совнаркома от 6 марта 1923 года.
79. Иван Васильевич Федьшин (28. 03. 1885 — 5. 05. 1941) — исследователь древнерусской живописи, стоявший у истоков организации и становления Вологодского музея. Родился в деревне Горка Владыкинская Вельского уезда Вологодской губернии в семье крестьянина-середняка. В 1898 году был отправлен родителями в Соловецкий монастырь и в течение трех лет проходил послушание в иконописной мастерской. В 1909 году окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, являлся активным членом Северного кружка любителей изящных искусств и входил в его правление. В январе 1924 года по рекомендации ВОИСК перешел на работу в Вологодский объединенный музей; в 1931 году возглавил отдел истории, в ведение которого входили вопросы художественной культуры. В 1937 году был репрессирован, но в 1939 году освобожден за недоказанностью обвинений.
80. Вологда: Николо-Владыченская церковь — 21.10.1927 г.; проверка по описи Губмузея Благовещенской церкви — 12.11.1926 г.; проверка по описи В.И. Лузана 1922–1923 годов Николаевской Глинковской церкви (акт от 14.11.1927 г.); обследование и регистрация Екатеринбургской церкви — 29.11.–26.12.1927 г.; регистрация Богородицкой кладбищенской церкви — 2.12.1926 г.; обследование и регистрация Введенской кладбищенской церкви — 6.12.1927 г.; Предтеченской Дюдиновской церкви — 7.12.1927 г.; Зосимо-Савватиевской церкви — 8 и 31.12.1927 г.; Богородицкой Нижнедольской церкви — 9 и 27.12.1927 г. Каргополь: обследование и регистрация Христорождественского собора (ГАВО. Ф. 2038. Д. 49. Л. 53); Воскресенской, Предтеченской и Владимирской церквей (Там же. Л. 65); Входо-Иерусалимской, Зосимо-Савватиевской и Благовещенской церквей (Там же. Л. 53); Никольской церкви (Там же. Л. 2, 2 об., 4); Введенской церкви, приписанной к Христорождественскому собору (Там же. Л. 16–19); Пятницкой (Рождества Богородицы) церкви (Там же. Л. 29); Саунинской Златоустинской церкви Каргопольского уезда (Там же. Л. 31).
81. Пункты 5, 6 Инструкции для губернских научно-художественных экспертных комиссий. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1).
82. Доклад А.И. Анисимова «Раскрытие памятников древнерусской живописи в эпоху революции» из протокола заседания

- общего собрания членов ВОИСК, состоявшегося 16 декабря 1926 г. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 57. А. 20.
83. Выявленные во время обследования особо ценные памятники в аварийном состоянии укреплялись на местах, в действующих храмах. Так, например, икона «Николай Чудотворец с житием» (кат. № 6) реставрировалась в 1922 году А.И. Брягиным; иконы из иконостаса Успенской церкви Александро-Куштского монастыря укреплялись в 1927 году А.И. Брягиным и И.В. Федышиным.
 84. Икона, находившаяся в трапезной Воскресенского собора, была передана на реставрацию А.И. Брягину по требованию Губмузея, угрожавшего изъять памятник для реставрации и хранения в Вологодском государственном объединенном музее в случае отказа произвести необходимые работы за счет церкви (письмо Губмузея в президиум церковного совета Воскресенского собора от 4. 07. 1928 г. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 62. А. 26; акт о передаче от 04. 07. 1928 г. Там же. А. 25).
 85. Происходило это чаще всего в случае переезда священника в другую местность, реже решались на присвоение церковных древностей местные коллекционеры. В письмах Вологодского музея в Вологодский губернский административный отдел и в Главнауку, подготовленных И.В. Федышиным, приведены факты вывоза ряда ценных предметов из храмов в 1926 году. Так, священник Николай Ратинский вывез из Троицкой Перцевской церкви Шепяковской волости в Ярославль старинную дарохранительницу и висячие лампы в обмен на новые металлические изделия. Священник Рафаил вывез из Николаевской Озерской (Стефановской) пустыни Грязовецкой волости в город Николаев образ Николая Чудотворца XV века. Из Троицкой Перцевской церкви без веденья Госмузея была вывезена оловянная чаша начала XVIII века, которую собирались передать Вологодскому государственному объединенному музею (ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 62. А. 115). В рапорте заведующего художественным отделом И.В. Федышина заведующему Вологодским губмузеем сообщается об исчезновении из вологодских церквей некоторых предметов, состоящих на учете Губмузея (Там же. А. 118). В частности, установлен факт нахождения старинного складного иконостаса, в 1924 году зарегистрированного в Духовской церкви Вологды, в коллекции Попова-Знаменского, бывшего членом совета общины Воскресенского собора и названного в заявлении в Вологодский губрозиск собирателем предметов старины «для сбыта с целью наживы» (Там же).
 86. Из письма Вологодского государственного областного музея в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса от 27 февраля 1928 г. ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 62. А. 52.
 87. П.Д. Барановский имел в виду аварийное состояние вывезенных памятников и необходимость работы с ними квалифицированных специалистов Института археологической технологии и Академии истории материальной культуры (Из истории реставрации, 1975. С. 74, 84–85).
 88. Передан в 1952 году в собрание Вологодской областной картинной галереи.
 89. Философ Павлович Куропатников (1877–1933) — директор Вологодского музея в 1924–1930 и 1938 годах.
 90. Екатерина Николаевна Соколова — Федышина (1895–1962) с 1926 по 1962 год была научным сотрудником Вологодского музея, заведующей отделом фондов. Родилась в деревне Посад Тотемского уезда Вологодской губернии (ныне Междуреченский район) в семье священника. В 1914 году поступила на историко-филологический факультет Казанских высших курсов, которые после революции были присоединены к Казанскому университету. После окончания университета в 1920 году вернулась в Вологду, где в 1921–1923 годах училась в художественном техникуме. За время работы в музее ею поставлены на государственный учет десятки тысяч памятников, заложены основы их систематизации и учета, а также проведена огромная работа по созданию условий для хранения коллекции.
 91. Из истории реставрации, 1975. С. 48.
 92. Там же. С. 62.
 93. В 1924 году из подотдела древнерусского искусства в Госхран было изъято 218 предметов (Отчет музея за 1924–1925 годы. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 4. Л. 1), впоследствии переданных в Оружейную палату. Сохранилась обширная переписка Вологодского музея с Главнаукой и Оружейной палатой, в результате которой в 1930-е годы часть изъятых ценностей была возвращена музею (ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 62. А. 5, 134, 137, 139, 140–141, 143).
 94. После экспонирования на заграничной выставке древнерусской живописи в Германии, Австрии, Англии и США в 1929–1932 годах в собрание Вологодского музея не вернулись шесть икон: «Чудо Георгия о змие» XVI века из церкви Феодора Тирона села Бережок Верхне-Кубенской волости Кадниковского уезда (инв. № 1530 Д, реставратор А.И. Брягин, 1926 г.) — ныне хранится в ГРМ (инв. № ДРЖ 2750); «Воскресение — Сошествие во ад» первой половины XVI века из Георгиевской церкви села Астафьево на реке Свида Хотеновской волости Каргопольского уезда (до 1933 г. принадлежала Вологодскому музею) — ныне хранится в ГРМ (инв. № ДРЖ 2747); «Снятие с креста» первой половины XVI века из Сретенской церкви Вологды (поступила по акту от 5. 05. 1926 г.; до 1934 г. принадлежала Вологодскому музею, инв. № 1789 Д) — ныне хранится в ГТТ (инв. № 29564); «Богоматерь Умиление с избранными святыми на полях» конца XV века из церкви Флора и Лавра на реке Свида Хотеновской волости Каргопольского уезда (поступила в Вологодский музей 5. 08. 1925 г.) — ныне хранится в ГРМ (инв. № ДРЖ 2783); «Жены мироносицы» первой половины XVI века из праздничного ряда иконостаса Введенского собора Корниаево-Комельского монастыря (поступила по акту от 8. 08. 1924 г. и принадлежала музею до 1933 г.; реставратор А.И. Брягин) — ныне хранится в ГРМ (инв. № ДРЖ 2727); «Распятие» Дионисия 1500 года из Павло-Обнорского монастыря (поступила по акту от 8. 08. 1924 г., реставратор А.И. Брягин) — ныне в ГТТ (инв. № 29554). После реставрации в столице Вологодский музей также лишился ряда икон: «Богоматерь Иерусалимская» XVI века из Александро-Куштского монастыря реставрировалась в ЦГРМ, после ликвидации мастерских в 1934 году была передана в ГТТ (инв. № 22051); «Николай Чудотворец с житием» конца XIV века из Борисоглебского Каргачского погоста на реке Ухтоме (поступила в Вологодский музей 20. 09. 1929 г.) — в 1934 году передана из ЦГРМ в ГТТ (инв. № 28719).
 95. Письмо Грязовецкому музею местного края от 22 ноября 1930 года ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 62. А. 10.
 96. И.В. Федышин пишет о 800 иконах, имевшихся в собрании музея к 1929 году (Федышин, 1929).
 97. Вышедшая в свет брошюра была воспринята местными идеологами и некоторыми сотрудниками Главнауки и ЦГРМ как оружие религиозной пропаганды и некоторое время находилась под запретом. В газете «Красный Север» от 25 января 1930 года была помещена заметка, где брошюра называлась «вредной дрянью», за которую нужно «вправить мозги» сотрудникам музея за распространение религиозного дурмана.
 98. Богусевич, 1929. Владимир Андреевич Богусевич, будучи в 1926–1929 годах аспирантом разряда древнерусского зодчества ГАИМК (Ленинград), принимал активное участие в изучении памятников вологодской живописи и архитектуры.
 99. Федышин, 1929.
 100. И.В. Евдокимов в начале главы о живописи своей книги об искусстве Севера (Евдокимов, 1921. С. 68) высказал мнение, что искусство северной иконописи было развито гораздо слабее, чем архитектура, «как будто титанические творческие силы Севера едва ли не целиком израсходованы на зодчество».
 101. В отчете отмечено, что «выставленные в иконных комнатах иконы охватывают историю развития русской иконописи с XIV по XVIII век. Представлены местные письма, новгородская и московская школа и частично строгановские письма. Наиболее замечательными являются упомянутые работы Дионисия Глушицкого: «Димитрий Прилуцкий» с житийными клеймами и «Покров», а также две расчищенных иконы новгородского письма: Царские врата XVI века и Благовещение конца XV — начала XVI века» (НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 об.).
 102. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 об.
 103. Александр Иванович Брягин (1888–1948) — представитель старинной династии владимирских иконописцев и реставраторов, художник-миниатюрист, участник областных, всесоюзных и международных художественных выставок.
 104. Это «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Владимира» третья четверть XVI века (кат. № 85); «Пророк Илия в пустыне» XVI века; «Трехподобный Димитрий Прилуцкий, с житием» XVI века из Троице-Енальской церкви Кадниковского уезда, «Иоанн Богослов, с житием» XV века из Богородицкой Верхнедольской церкви, двухъярусная икона из иконостаса с изображениями царя Соломона (вверху) и Уверения Фомы (внизу) XVII века; кузов для креста с росписью на крышке XVIII века (Отчет о работе музея за 1925/1926 бюджетный год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 6. А. 59).
 105. Из истории реставрации, 1975. С. 19, 40.

106. А.И. Анисимов писал И.В.Федышину в письме от 7. 11. 1928 г.: «Экспонаты, показанные в Европе и возвращенные, будут в дальнейшем еще более укреплять положение Вологодского музея» (Из истории реставрации, 1975. С. 82).
107. Из истории реставрации, 1975. Примеч. на с. 86.
108. Там же. С. 82—86.
109. Зная о намерениях государства, И.Э. Грабарь в письме от 20. 09. 1928 г. в Контору по покупке и продаже антикварных изделий Госторга дает советы по организации торговли иконами. Из них следует, что продаже должна предшествовать выставочная деятельность и издание каталогов, представление раритетных памятников должно проходить «под флагом наших достижений в реставрации...», почему организатором ее должны быть ЦГРМ, иначе памятники древнерусской живописи могут быть проданы за бесценок на несформировавшемся рынке (Грабарь, 1977. С. 179).
110. Из протокола заседания Научно-художественной экспертной комиссии от 28. 03. 1924 г. ОПИ ВГМЗ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
111. В комиссию, состав которой был утвержден Главмузеем 28 марта 1924 года, вошли: директор объединенного музея А.А. Кольчев, историк-этнограф Е.А. Пискова, заведующий художественным отделом И.В. Федышин и приглашенные эксперты-художники Н.П. Дмитриевский и Ю.Ф. Лузан (из протокола заседания Научно-художественной экспертной комиссии от 28. 03. 1924 г. ОПИ ВГМЗ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 35. Л. 2).
112. По сохранившимся ведомостям выплат за реставрацию проходят А.И. Бригин, который не получал зарплату в музее (эта работа была единственным источником его доходов от реставрации), И.В. Федышин (заведующий художественным отделом) и Кудрявцева (делопроизводитель). Последние двое являлись штатными работниками музея, и выплаты, произведенные им Антиквариатом, невелики.
113. Письмо конторы Антиквариата Госхрана Вологодскому музею от 5 марта 1930 года. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 20. Л. 26.
114. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
115. Сотрудник Музейного отдела Наркомпроса РСФСР.
116. Письмо Главнауки музею № 50608 от 21. 09. 1929 г. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.
117. Из письма конторы Антиквариата Госмузею от 14 марта 1930 г. Там же. Л. 27.
118. Там же. Л. 26.
119. Письмо конторы Антиквариата Госторга музею от 30. 01. 1930 г. Там же. Л. 25—25 об.
120. В то время в музее существовали три отдела: социалистического строительства (5148 единицы хранения), природы (1812 единицы хранения) и истории, к которому был отнесен фонд бывшего художественного отдела.
121. Акт передачи от Ф.П. Куропатникова Л.А. Николаевскому при смене директора. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
122. Письмо директора музея Ф.П. Куропатникова А.И. Бригину. ВГМЗ № 31498/2.
123. Из плана работы музея на 1941 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.
124. В Омский краеведческий музей были направлены тридцать мест, из них шестнадцать мест с иконами, три — с предметами церковно-художественной старины, три — с предметами быта, четыре — с фарфором и стеклом, четыре — со старопечатными и рукописными книгами (всего 626 музейных предметов).
125. По пути следования в город Кустанай промежуточный контроль осуществляли уполномоченные Главнауки, проверявшие соответствие документации и состояние сохранности предметов, передаваемых на хранение Омскому музею. Об этом свидетельствуют акты, подписанные Н.Р. Левинсоном, М.Н. Нецаевой, К.Н. Савельевой, А.С. Шатиной, З.М. Радиомовой, С.С. Брагинской, А.Х. Поповым, А. Брюсовым, А.И. Поповым и А.Х. Поповой (находятся в фондах ВГМЗ).
126. С этого времени до ноября 1944 года площадь помещений, занимаемых музеем, сократилась на две трети — из 3247,61 кв. м, принадлежавших ему до войны, за музеем было оставлено лишь 1100 кв. м (Отчет о работе Вологодского областного краеведческого музея за 1942 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 61. Л. 1).
127. Двадцать девять мест — экспонаты художественно-исторического значения, а также три ящика серебра, два ящика ценных гравюр и других графических материалов, три ящика старопечатных и редких книг краеведческого значения (Отчет о работе зав. фондами исторического отдела Е.Н. Федышиной за IV квартал 1941 года. Архив сектора учета ВГМЗ). Подготовленные к эвакуации предметы были распакованы лишь в апреле 1944 года (Акты вскрытия ящиков. ВГМЗ 31269/23-25).
128. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.
129. Только во втором полугодии 1942 года восемью штатными сотрудниками музея было отработано 333 человекодня на выгрузке дров из реки Вологды на берег, по разделке дров для водосвета — 262 человекодня, на полевых работах в совхозах — 63 человекодня, на лесозаготовках — 8 человекодней (Отчет о работе музея за 1942 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 61. Л. 49).
130. Только в 1942 году были организованы тридцать две выставочно-передвижки и стационарная выставка «Героическое прошлое Вологды и история Вологодского кремля», которая открылась в здании Софийского собора 19 июля и регулярно действовала до 1 декабря, после чего из-за холода открывалась по требованию (НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 61. Л. 2). В 1943 году в центральной части алтаря собора открылась еще одна стационарная выставка — «Народная доблесть в русской литературе».
131. Это иконы «Единородный Сыне» строгановской школы XVII века (102 × 78); «Вознесение» XVII века (75 × 50); «Богоматерь Тихвинская» XVI века (88 × 62); «Богоматерь Корсунская» (26 × 20); «Богоматерь Казанская, с избранными святыми» строгановской школы XVII века (40 × 33); «Леонтий Ростовский» XV века (29 × 20); «Положение ризы Богоматери» XVII века (30 × 24); «Святитель Николай Чудотворец, с житием» строгановской школы XVII века (102 × 84).
132. Отчет о работе музея за 1943 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 64. Л. 9.
133. Николай Иванович Федышин (1928—2005) — заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, художник-реставратор станковой темперной живописи высшей квалификации, член Союза художников СССР, историк-краевед, исследователь в области древнерусского искусства, топонимики, ономастики, нумизматики и палеографии. Родился 2 мая 1928 года в Вологде, в семье сотрудников Вологодского музея Ивана Васильевича и Екатерины Николаевны Федышиных. Свою деятельность в музее начал в 1943 году учеником-оформителем выставок-передвижек; с начала 1944 года был переведен учеником к художнику-реставратору А.И. Бригину. Более полувека кропотливого и вдохновенного труда было отдано им комплектованию, сохранению и изучению коллекции древнерусской живописи Вологодского музея. Он отреставрировал более ста произведений древнерусской живописи, экспонировавшихся на четырнадцать выставках, в том числе двух персональных (Вологда, 1978 и 1988 г.). Участвовал в многочисленных экспедициях 1940—1980-х годов, обследовавших с различными целями обширные территории Вологодского края.
134. Отчет о работе музея за 1944 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 68. Л. 2 об.
135. Людмила Михайловна Харлапенкова работала в Вологодском музее научным сотрудником отдела древнерусского и народного искусства с 1974 по 1983 год. В 1983—1996 годах была хранителем коллекции древнерусской живописи, вела большую экспедиционную и экспозиционную работу. Является автором и соавтором нескольких каталогов.
136. Комиссия подошла к работе неформально: по ее заключению, из 493 предметов церковной старины в списке, составленном А.И. Бригиным, 197 были признаны имеющими музейное значение и оставлены в собрании музея.
137. Оборудование хранилища икон не претерпело существенных изменений до настоящего времени; за редким исключением используются стеллажи 1940-х годов.
138. Сведения взяты из отчета о работе музея за 1944 год; публикация книги, по-видимому, не состоялась (НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 68. Л. 3).
139. План работы музея на 1952 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 177. Л. 19—20.
140. Отчет о работе музея за 1952 год. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 178. Л. 25—26.
141. Это такие иконы, как «Арсений Комельский» XX века (29 × 24); «Святитель Василий Великий и мученица Надежда» XIX века (31,5 × 27); «Богоматерь Козельщанская» XIX века (97 × 65); «Давид, играющий на лире» из Вознесенской церкви Вологды XIX века (91 × 69).
142. Л.И. Бригин в первый приезд работал на средства Антиквариата, а с 1939 года — на спецсредства. В 1956 году музей просил Министерство культуры выделить должность штатного реставратора.
143. С 21 июня по 17 июля 1958 года выездной бригадой ЦГХРМ под руководством Н.Л. Богословского были проведены консервационные работы на пятидесяти шести памятниках; с 3 по 21 августа 1966 года и с 28 августа по 1 сентября 1966 года А.Н. Овчинниковым и М.В. Наумовой была выполнена консервация тридцати памятников. Отдельные иконы реставрировались в Москве, например: «Сретение» первой половины XVI века (кат. № 59); «Иоанн Богослов на острове Патмос, с житием»

- первой четверти XVI века (*кат. № 35*); «Богоматерь Одигитрия с Иоанном Лествичником» конца XV века (*кат. № 12*).
144. Н.А. Дёминой было обследовано более восьмисот произведений древнерусской живописи XIV–XVII веков.
145. НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 593. Л. 5.
146. Ирина Александровна Пятницкая (1925–1989), заслуженный работник культуры РСФСР. В 1947 году окончила факультет журналистики Уральского государственного университета имени М. Горького. Работала в Вологодском музее с 1962 по 1988 год: с 1962 года — заведующей отделом истории досоветского периода, в 1969–1981 годах возглавляла отдел древнерусского и народного искусства. С 1981 по 1988 год работала в этом отделе научным сотрудником. Автор ряда публикаций по древнерусскому и народному искусству.
147. Иконы поступили из следующих экспедиций: в Покровский Глушицкий монастырь 1962 года (В.Д. Бруцкус, Н.И. Калаев — четыре единицы хранения); в Кубенскоозерский и Грязовецкий районы в 1965–1966 годах (Н.Н. Померанцев, Н.И. Федышин — двадцать три единицы хранения); в Тарногский и Верховажский районы в 1966 году (Г.М. Новожилова, И.А. Пятницкая — десять единиц хранения); в Харовский и Сямженский районы в июне — июле 1968 года (Г.М. Новожилова, Р.А. Кустов — шесть единиц хранения); в Грязовецкий район летом 1970 года (В.Д. Бруцкус, Г.М. Новожилова — одна единица хранения); в Верховажский район в 1971 году (А.А. Рыбаков — две единицы хранения); в Грязовецкий район в 1974 году (Н.И. Калаев — две единицы хранения); в Грязовецкий район в том же году (А.А. Рыбаков, Т.П. Рыбакова, Г.М. Новожилова — двенадцать единиц хранения); в Заболотский сельсовет Грязовецкого района в июле 1979 года (В.Д. Бруцкус, Т.М. Шустер, Т.А. Уварова, Н.Н. Малинина — четыре единицы хранения); в Верховажский район в феврале — марте 1979 года (Н.И. Федышин — восемьдесят восемь единиц хранения); в Верховажский район в 1982 году (Н.Н. Малинина — четыре единицы хранения); в Слободской сельсовет Харовского района в июле 1983 года (Г.М. Новожилова, Г.Н. Петрова, И.М. Каланина — одна единица хранения); в Михайловский сельсовет Харовского района и Шелотский сельсовет Верховажского района в июле 1983 года (А.А. Амосов, Ю.Н. Бубнов, А.А. Петрова, Ю.С. Васильев, Н.Н. Малинина — две единицы хранения).
148. В момент изъятия икон из Воскресенской Олошинской церкви многие иконы иконостаса валялись на полу, покрытые толстым слоем голубиного помета толщиной до 10 см. Судя по тямлам на западной стене, переходящим на северную и южную стены, напротив иконостаса висел ряд икон с изображением Страшного суда в центре. Иконами этого ряда были заколочены окна, некоторые из них использовались для устройства перегородок и чинки полов или просто валялись под ногами. Непосредственно из иконостаса были взяты лишь две иконы и северная дверь (описи какту приема на постоянное хранение № 6455 от 12. 10. 1979 г.).
149. Из икон, значащихся в наличии в акте № 1 от 30 марта 1962 года, составленном Н.И. Федышиным и Г.Г. Шапиным, в музей не поступили пять икон небольшого размера из второго снизу яруса, в центре которого располагались праздники, а по краям — пророки.
150. Николай Васильевич Перцев (1902–1981) — художник-реставратор монументальной и станковой темперной живописи. Реставрационную деятельность начал в Ярославском отделении ЦГРМ в 1928 году. Позже был реставратором в Ярославском музее, Главной инспекции по охране памятников Ленинградской области, Ленинградских реставрационных мастерских и ГРМ, а также в ВСНРПМ (с 1968 по 1970 г.).
151. В 1969 году Н.И. Федышин выезжал в Кириллов, Великий Устюг и Устюжню, где им были выполнены следующие работы: укреплены и обработаны три находившиеся в аварийном состоянии иконы из фондов Кирилловского историко-художественного музея-заповедника; в фондах Великоустюгского музея укреплены тринадцать аварийных икон и на десяти выполнены частичные противоаварийные работы (НА ВГМЗ. Оп. 1. Д. 656. Л. 18).
152. Древнерусская живопись, 1970.
153. Живопись Вологодских земель, 1976.
154. Древнерусская живопись, 1977.
155. *Вздорнов*, 1972.
156. Из истории реставрации, 1975.
157. *Вздорнов*, 1975.
158. *Бочаров, Выголов*, 1969.
159. *Рыбаков*, 1995.
160. Акты передачи в постоянное пользование № 2 от 22. 12. 1991 г. и № 1 от 04. 04. 1995 г.; приказ Вологодского управления культуры № 102 от 03. 04. 1991 г.
161. Акт передачи в постоянное пользование № 2 от 22. 12. 1994 г.
162. Иван Николаевич Федышин — художник-реставратор темперной станковой живописи первой категории и масляной живописи второй категории, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 1998 года. Работает художником-реставратором ВГМЗ с 1976 года, член Союза художников РСФСР. За время творческой деятельности отреставрировал десятки икон из собрания музея, принимал участие в реставрации росписей вологодской церкви Иоанна Предтечи XVIII века и собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря 1502 года.
163. Николай Николаевич Федышин — художник-реставратор темперной станковой живописи первой категории. За время работы в музее с 1994 года отреставрировал десятки произведений древнерусской живописи.
164. Так, в 2000 году были отреставрированы иконы «Суббота всех святых» 1613 года (инв. № 7823), «Иоанн Предтеча с житием» XVI века (*кат. № 75*) и фрагменты створок Царских врат XVIII века (инв. 234/1–2).
165. «Искусство земли Вологодской XIII–XX веков» — Москва, 1990; «Русская икона в Ватикане» — Ватикан, Генуя, Москва, 1990; «Архитектура и художественная культура Русского Севера» — Вологда, Вологодская областная картинная галерея, июнь — август 1990; «Сокровища древнерусского искусства XV–XIX веков» — Коувала (Финляндия), 1991; «Искусство Древней Руси XVI–XIX веков из собрания Вологодского музея-заповедника» — Мишкольц (Венгрия), 1991; «Русская икона XV–XVIII веков из собрания ВГМЗ» — Зволле (Нидерланды), ноябрь 1992 — январь 1993; «Вологодская икона» — Рязанский областной художественный музей, июнь 1994; «Возвращенные раритеты России» — Москва (Поклонная гора), Центральный музей Великой Отечественной войны, март — май 1997; «Возрожденные шедевры Русского Севера» — Вологда, октябрь 1997 — январь 1998; «Между небом и землей» — Франкфурт (Германия), ноябрь 1997 — март 1998; «Между небом и землей» — Королевская Академия художеств (Лондон), март — июнь 1998; «Триеннале III» — Москва, декабрь 1999 — февраль 2000; «Вологодский кремль. Сокровища северных монастырей» — Москва, выставочный зал Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» (Успенская звонница), февраль — апрель 2000; «Дмитрий Прилуцкий. Образы и святости» — Москва (Покровский собор), июнь — сентябрь 2002; «Россия — Британия» — Москва, выставочный зал Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» (Успенская звонница) — 2003; «Святой Николай Мирликийский» — Вологодская областная картинная галерея, 2004; «Россия» — Бильбао (Испания), 2006.